

Р. Ф. ИВАНОВ

Сталин и союзники. 1941–1945 годы

<Фрагменты>

<...>

<...> С Черчиллем Сталин впервые встретился 12 августа 1942 г. во время визита премьер-министра в Москву.

Что же касается официальной переписки между тремя лидерами, то она началась значительно раньше, первое личное послание от Черчилля Сталин получил 8 июля 1941 г. и направил ему ответ 18 июля. Переписка между Сталиным и Рузвельтом началась 4 августа 1941 г. по инициативе советского руководителя, ответное послание от Рузвельта Сталин получил 30 сентября 1941 г.

Интересно проследить, какие вопросы были подняты Сталиным в этих первых посланиях, что его особенно беспокоило, какие проблемы он считал необходимым решать в первую очередь, какова была тональность его писем, манера изложения материала, как он держался с Рузвельтом и Черчиллем.

Свое послание Сталину Черчилль начинал со слов восхищения героическим сопротивлением Красной Армии: «Мы все здесь очень рады тому, — писал Черчилль, — что русские армии оказывают такое сильное, смелое и мужественное сопротивление... Храбрость и упорство советских солдат и народов вызывают всеобщее восхищение».

Черчилль заверял Сталина, что Англия готова оказать всемерную помощь СССР, но оговаривался: «...Насколько это позволят время, географические условия и наши растущие ресурсы». Подобные отговорки разных вариантов Черчилль будет использовать три года, прежде чем появится второй фронт. Воистину —

обещанного три года ждут. В своем первом послании Сталину основной упор премьер делал на воздушные бомбардировки Германии, чтобы «постепенно ослабить бремя, лежащее на Вашей стране», — писал Черчилль. Помимо этого, премьер-министр сообщал, что по его инициативе «адмиралтейство подготовило серьезную операцию, которую оно предпримет в ближайшем будущем в Арктике». Черчилль предлагал «продолжать прилагать все усилия, чтобы вышибить дух из злодеев».

10 июля Черчилль направил новое послание Сталину, в котором одобрял результаты переговоров английского посла в СССР Стаффорда Криппса со Сталиным по вопросу об опубликовании англо-советской декларации, определяющей принципы отношений между двумя странами в борьбе с общим врагом. 12 июля 1941 г. между правительствами СССР и Англии вместо предлагавшейся премьер-министром англо-советской декларации было заключено соглашение о совместных действиях в войне против Германии.

На оба послания Сталин дал ответ 18 июля. Уже в этом первом послании Черчиллю Сталин поставил проблему, которая на три года займет самое важное место в отношениях между союзниками, — между советским руководителем, Черчиллем и Рузвельтом. Речь шла о необходимости скорейшего создания союзниками второго фронта во Франции и в Арктике. Сталин всесторонне аргументировал необходимость и возможность создания второго фронта, который «не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию».

<...>

Советский Союз и Англия воевали против общего врага, и естественно, что у СССР до вступления США в войну в декабре 1941 г. были более тесные отношения с Англией, чем с Соединенными Штатами. Это накладывало соответствующий отпечаток и на отношения Сталина с Черчиллем. Уже в своем первом послании английскому премьеру Сталин писал: «Теперь, как Вы выразились с полным основанием, Советский Союз и Великобритания стали боевыми союзниками в борьбе с гитлеровской Германией».

И у союзников было немало общих проблем, которые они оживленно обсуждали, обмениваясь посланиями. Обращает на себя внимание, что Сталин в переписке с Черчиллем не выступал в роли просителя. Советский Союз в первые месяцы войны был в тяжелейшем положении, но советский руководитель

держался с достоинством. Ни в одном из его посланий не было ссылок на катастрофически трудное для СССР положение и как следствие этого — просьбы о помощи. Более того, даже в самое трудное время Сталин выражал уверенность в победе.

18 июля 1941 г. уже в своем первом послании Черчиллю Сталин писал: «Не сомневаюсь, что у наших государств найдется достаточно сил, чтобы, несмотря на все трудности, разбить нашего общего врага». 3 октября 1941 г., когда немцы стояли у самых ворот Москвы, Сталин в послании премьер-министру выражал «уверенность, что, несмотря на все трудности, мы решим дело разгрома Гитлера...».

В зарубежных газетах, в том числе и в английских, под впечатлением неудач Красной Армии в начальный период войны очень скептически оценивали оборонительный потенциал СССР. Например, подводя итоги оценки прессой США первого месяца боев на советско-германском фронте, американский журналист Тоухи писал: «Пресса не может позволить себе надеяться, что Россия продержится долгое время, но выражает надежду, что срыв нацистских планов отодвинет попытку их вторжения в Англию в этом году».

Несмотря на подобные пессимистические оценки силы сопротивления Красной Армии, Черчилль в своих посланиях высказывал Сталину восхищение массовым героизмом и стойкостью советских солдат и офицеров. 8 июля 1941 г. в своем первом послании Сталину он, как указывалось выше, исключительно высоко оценивал героизм и мужественное сопротивление советских вооруженных сил. Черчилль выражал восхищение героической борьбой Красной Армии в своих посланиях, полученных Сталиным 30 августа 1941 г., 5 декабря 1941 г., и в других обращениях к советскому руководителю.

Говоря о массовом героизме советских солдат и офицеров, Черчилль ни в коей мере не допускал преувеличений. Однако положение на Восточном фронте все более усложнялось.

Пришло время платить огромную цену за предвоенные ошибки советского руководства и в первую очередь — за ошибки Сталина. Весной 1941 г. по его приказу была демонтирована линия оборонительных сооружений протяженностью в 1200 км, которая перекрывала зону от Белого до Черного моря. Началось строительство новых укреплений, но эти работы не были завершены к началу войны. «Новые рубежи, созданные Сталиным на своей границе

по периметру — Балтийские государства, Восточная Польша и Бессарабия, были разорваны в клочья в тяжелейших боях, и захватчик глубоко прорвался внутрь советской территории».

Даже благожелательно настроенные по отношению к СССР обозреватели Запада писали о тяжелейшем положении Красной Армии. Так, американский журналист М. Вернер констатировал: «В течение первых 26 дней войны в России германская армия вела классический блицкриг, непрерывно продвигаясь вперед по всей широте фронта первоклассного противника».

Сложившаяся ситуация была для Сталина тяжелейшим морально-психологическим ударом, так как произошло крушение всей его стратегической концепции: «Сталин отвергал любую мысль о глубоко эшелонированной обороне. Однажды он заявил о том, что агрессор с окровавленной головой побежит от советских границ».

Тяжелое положение на фронте создавало серьезные проблемы для Сталина в решении военно-политических вопросов с Англией и США.

И тем не менее позиция советского руководителя при их обсуждении была не только жестко непримиримой, но и конструктивной.

<...>

Решительность Сталина в отстаивании интересов Советского Союза проявлялась не только в отношениях с Рузвельтом и Черчиллем, но и с руководителями Японии. Последнее явно импонировало Черчиллю, который писал Сталину 30 августа 1941 г.: «Мне доставило удовольствие весьма твердое предупреждение, сделанное Японией Вашим Превосходительством относительно товаров, прибывающих через Владивосток».

Черчиллю было не занимать мужества и твердости при решении сложнейших мировых проблем. Не лишен он был и личного мужества, которое проявил еще во время англо-бурской войны 1899–1903 гг.¹, где он был в качестве журналиста. И человек таких личных качеств мог по достоинству оценить смелую и решительную позицию, занятую Сталиным в конфликте, возникшем между СССР и Японией. 23 августа 1941 г. Япония заявила резкий протест Советскому Союзу в связи с тем, что закупленные им в США товары везутся во Владивосток по морским путям, проходящим вблизи Японских островов. В заявлении японского министра иностранных дел советскому послу в Токио прямо говорилось, что маршрут соответствующих советских кораблей

«создает для Японии затруднительное положение ввиду ее отношений с Германией и Италией». Со стороны Японии прозвучала прямая угроза Советскому Союзу. Японская сторона фиксировала внимание на том, что она руководствуется пактом о нейтралитете с СССР, но Японии «трудно будет сохранить нынешнюю позицию на долгое время».

Время для угрозы Советскому Союзу было выбрано удачно. Еще свежи были в памяти бои с японцами в районе озера Хасан², на Халхин-Голе³, в Маньчжурии; на советской границе в полной боевой готовности стояла мощная японская квантунская армия. Ни для кого не было секретом, что советско-японский пакт о нейтралитете Япония будет соблюдать не более последовательно, чем Германия — советско-германский пакт 1939 г. Япония выжидала дальнейшего хода войны между СССР и Германией. В случае новых успехов немецкого оружия, особенно после взятия Москвы, Япония готовилась нанести удар по Советскому Союзу.

Об этих планах Японии было широко известно во всем мире. Имел на этот счет всю необходимую информацию и Сталин. Если бы в тяжелейшем положении, сложившемся на советско-германском фронте, появился второй фронт на советском Дальнем Востоке, это имело бы для СССР непредсказуемые последствия. И, несмотря на столь тяжелое для Советского Союза положение, Сталин дал самый решительный отпор дипломатическому шантажу со стороны Японии. Министерству иностранных дел Японии было заявлено, что закупаемые в США товары «будут направляться в СССР обычным торговым путем».

Черчилль по достоинству оценил решительность, проявленную Сталиным в этом дипломатическом конфликте между СССР и Японией.

Сталин был прекрасно информирован о том, что премьер-министр и Рузвельт, так же как и широкие круги общественности западных стран, относились резко негативно к вступлению советских войск в Польшу, Прибалтийские страны, Бессарабию. И, тем не менее, в переписке с Черчиллем и Рузвельтом он не уклонялся от обсуждения этого не столь простого для него вопроса.

Показательно, что Сталин поставил эту проблему уже 18 июля 1941 г. в своем первом послании премьеру. Советский лидер писал, что положение немецких войск было бы во много раз выгоднее, если бы советским войскам пришлось принять удар противника не в районе Кишинева, Львова, Бреста, Белостока,

Каунаса и Выборга, а в районе Одессы, Каменец-Подольска, Минска и окрестностей Ленинграда.

Показательно, что Черчилль согласился с этой аргументацией Сталина. В послании премьера, полученном советским руководителем 12 марта 1942 г., в первом пункте говорилось: «Я отправил Президенту Рузвельту послание, убеждая его одобрить подписание между нами соглашения относительно границ России по окончании войны».

На мой взгляд, трудно согласиться с постановкой вопроса Сталиным в переписке с Черчиллем о том, что советские вооруженные силы получили серьезное преимущество, встретив гитлеровскую агрессию на новых пограничных рубежах. Если бы по инициативе Сталина не была демонтирована строившаяся много лет линия долговременных оборонительных сооружений на старой советской западной границе, то немцам пришлось бы в тяжелых боях прорывать эти инженерные сооружения, что заняло бы немало времени и стоило бы больших потерь для вермахта.

Что же касается новой советской границы, то немцы прошли ее с ходу, и их механизированные части быстро заняли все регионы, полученные Советским Союзом после подписания советско-германского пакта 1939 г.

Мне представляется, что если положить на одну чашу весов советские территориальные приобретения 1939–1940 гг., а на другую — политические издержки, вызванные этими приобретениями, то политический, дипломатический, морально-психологический проигрыш Советского Союза будет очевиден.

С учетом того, что Красная Армия не смогла сколь-нибудь долго задержать противника на новой западной границе, можно сделать вывод, что СССР не получил и значительного военного выигрыша, подвинув свою границу на Запад в 1939–1940 гг.

На мой взгляд, в этом вопросе пассив политики и дипломатии Сталина был очевиден.

Вопрос о западных границах СССР для Черчилля был очень болезненной проблемой, но в переписке со Сталиным он сдерживал свои эмоции. В своих же военных мемуарах, касаясь начального этапа боев на Восточном фронте, премьер дал волю раздражению жесткой позицией Сталина в отстаивании государственных интересов СССР. Премьер-министр писал: «Нам пришлось... поставить под удар свою собственную безопасность и свои планы ради нашего

нового союзника — угрюмого, ворчливого, жадного и еще так недавно безразлично относившегося к тому, выживем мы или нет».

Во время войны в вопросе о западных границах СССР речь шла о проекте соглашения о признании Великобританией в качестве западной границы СССР после окончания войны пограничных рубежей, существовавших к моменту нападения Германии на Советский Союз, т. е. к 22 июня 1941 г.

Черчиллю пришлось поступиться политическими принципами во имя укрепления военно-политического сотрудничества с СССР.

Умение Сталина заставить своих партнеров на международной арене пойти на компромиссное решение принципиальных для них проблем было одной из его сильных сторон как дипломата и политика.

В переписке с премьер-министром Великобритании Сталин, начиная со своего первого послания, самым решительным образом не просил, а требовал и создания второго фронта, и резкого усиления военной и экономической помощи СССР со стороны Англии.

В послании Черчиллю от 3 сентября 1941 г. Сталин, в очередной раз жестко поставив вопрос о необходимости открытия второго фронта и увеличения военных поставок СССР из Великобритании, писал: «Я понимаю, что настоящее послание доставит Вашему Превосходительству огорчение. Но что делать? Опыт научил меня смотреть в глаза действительности, как бы она ни была неприятной, и не бояться высказывать правду, как бы она ни была нежелательной».

Решительная позиция, занятая Сталиным в переписке, а затем и в личных контактах с Черчиллем была единственно правильной. Премьер-министр Великобритании мог понять и оценить только такую позицию. Об упорстве, решительности и даже упрямстве Черчилля ходили легенды. Его недруги не случайно сравнивали поведение Черчилля с мертвой хваткой английского бульдога, прозрачно намекая на характерную внешность премьера.

В переписке со Сталиным английский лидер, мягко говоря, не всегда был искренен. Так, например, в послании, полученном Сталиным 6 сентября 1941 г., Черчилль, оправдывая свой отказ даже обсуждать проблему сроков открытия второго фронта, заявлял: «Информация, имеющаяся в моем распоряжении, создает у меня впечатление, что германское вторжение уже миновало высшую точку своего напряжения».

Однако в переписке с Рузвельтом премьер говорил о прямо противоположном. 4 марта 1942 г., показав настоящий дар пред-

видения, Черчилль писал Рузвельту: «...Весной немцы нанесут России самый страшный удар».

Сталин, сознавая всю сложность положения, в котором оказался Советский Союз осенью 1941 г., и столкнувшись с самой жесткой позицией Черчилля, отказывавшегося под всевозможными предлогами от открытия второго фронта, пошел на беспрецедентный шаг: он предложил Черчиллю ввести английские войска на советскую территорию. Решение это было действительно неожиданным и не имевшим аналогов в советской внешней политике. Такое предложение казалось совершенно нереальным, так как в памяти Сталина и всех советских людей еще были очень свежи воспоминания об инициативе Черчилля в начальный период Гражданской войны в России, когда он предлагал «задушить коммунизм в колыбели». И это были не только громкие слова. Черчилль был одним из самых активных организаторов интервенции 14 империалистических держав против Советской России во время Гражданской войны.

Широко известна и подозрительность Сталина. Позднее, когда обстановка на советско-германском фронте стабилизировалась, Сталин решительно отвергал любые инициативы союзников, которые, по его мнению, нарушали суверенитет страны. Например, просьбу американцев в период подготовки Советского Союза к войне с Японией предоставить США военно-воздушные базы на советском Дальнем Востоке для бомбардировок Японии.

Осенью 1941 г. положение на фронте было критическим, и Сталин предложил Черчиллю ввести английские войска на советскую территорию. 13 сентября 1941 г. после очередного послания премьер-министра Сталину, в котором говорилось о технических, транспортных и военных проблемах, якобы не позволявших открыть второй фронт, Сталин писал Черчиллю: «Мне кажется, что Англия могла бы без риска высадить 25–30 дивизий в Архангельске или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции». Сталин считал, что подобная операция «была бы серьезным ударом по гитлеровской агрессии».

И эта инициатива советского лидера не получила поддержки Черчилля. Сталин проводил параллель с высадкой английских войск во Франции в Первую мировую войну, а перед английским премьером, очевидно, сразу же возник призрак разгрома англий-

ского экспедиционного корпуса в Дюнкерке 25 мая — 4 июня 1940 г. Тогда, бросив всю тяжелую военную технику, английские войска, понеся большие потери, вынуждены были ретироваться на Британские острова.

Принимать участие в боях на советско-германском фронте было для руководства Англии не очень приятной перспективой. Здесь были сосредоточены отборные дивизии рейха и шла настоящая мясорубка. Потери в живой силе с обеих сторон исчислялись миллионами убитых, раненых и пленных.

Все эти соображения были, конечно, только деталями. Тот факт, что союзники в течение трех лет бесконечно тянули вопрос с открытием второго фронта, безусловно, свидетельствовал о том, что ими был взят курс на обескровливание Советского Союза, на то, чтобы за столом будущих мирных переговоров иметь ослабленного партнера, не способного к успешному отстаиванию своих послевоенных интересов. Черчилль был остроумным человеком, и позднее, проявив весь свой мрачный юмор, он скажет, что хотел бы увидеть «германскую армию в могиле, а Россию — на операционном столе».

Сталин прекрасно понимал стратегию и тактику союзников в вопросе об открытии второго фронта. И, как мы увидим ниже, эта проблема приведет к возникновению серьезнейших конфликтов в союзном трио — Сталин, Рузвельт, Черчилль, которое по вопросу о втором фронте нередко напоминало Бермудский треугольник.

На более позднем этапе войны, когда Красная Армия одержит блестящие победы под Москвой, Сталинградом, Курском и станет ясно, что она сможет, как нож сквозь масло, пройти всю Европу, Сталину станет, несомненно, легче разговаривать и с Черчиллем, и с Рузвельтом по вопросу о втором фронте.

Однако показательно, что и в самый трудный, первый период войны в его голосе действительно звучали стальные нотки, когда он ставил перед Черчиллем вопрос о втором фронте. 3 сентября 1941 г., объясняя английскому лидеру, почему за последние три недели «положение советских войск значительно ухудшилось», Сталин писал, что немцы перебросил и за это время из Западной Европы на советско-германский фронт 30–34 свежих немецких пехотных дивизии, громадное количество танков и самолетов, активно действуют 20 финских и 26 румынских дивизий. Сталин формулировал свой вывод в очень жесткой манере: «Немцы счи-

тают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет. Немцы считают вполне возможным бить своих противников поодиночке: сначала русских, потом англичан.

8 ноября 1941 г., в период самой кризисной ситуации под Москвой, Сталин жестко заявлял Черчиллю, что «нужно внести ясность, которой сейчас не существует, во взаимоотношения между СССР и Великобританией. Советский лидер продолжал: «...Не только не будет ясности в англо-советских взаимоотношениях, но, если говорить совершенно откровенно, не обеспечено и взаимное доверие».

Черчилль был достаточно квалифицированным военным специалистом и опытным политиком, чтобы понять из этой формулировки Сталина, что советская сторона ставила под сомнение возможность продолжения советско-английских союзнических отношений.

Так же резко Сталин высказывался и по другим вопросам, позиция Черчилля в которых его не устраивала. 8 ноября 1941 г. Сталин устроил премьеру настоящий разнос: «Относительно объявления войны Финляндии, Венгрии и Румынии со стороны Великобритании создается, мне кажется, нетерпимое положение, — писал Сталин. — Советское правительство поставило этот вопрос перед Правительством Великобритании в секретном дипломатическом порядке. Что из этого получилось, Сталин излагал предельно жестко: «Неожиданно для СССР весь этот вопрос, начиная от обращения Советского Правительства к Правительству Великобритании вплоть до рассмотрения этого вопроса Правительством США, вынесен в печать и обсуждается в печати, дружественной и вражеской, вкривь и вкось». Как прямой укор Черчиллю звучал заключительный абзац этого послания Сталина: «И после всего этого правительство Великобритании заявляет о своем отрицательном отношении к нашему предложению. Для чего все это делается? Неужели для того, чтобы продемонстрировать разлад между СССР и Великобританией?».

Жесткая постановка советским лидером важнейших проблем взаимоотношений с Англией, четкая, напористая защита государственных интересов СССР, очевидно, объяснялась не только особенностями характера Сталина, его склонностью бескомпромиссно ставить и решать принципиальные проблемы.

Мне представляется, что была еще одна и, пожалуй, важнейшая причина соответствующей позиции, занимаемой советским руководителем.

Эта причина — уверенность в силах Советского Союза, в том, что, в конечном счете, враг будет разбит. Только тот, кто имел такую уверенность, мог занимать столь непримиримую позицию в спорах с таким международным зубром, как Уинстон Черчилль.

После вступления в декабре 1941 г. в войну Соединенных Штатов Сталин занял столь же жесткую позицию в отношении Рузвельта об открытии второго фронта.

Рузвельт не отличался такой мертвой хваткой, как Черчилль, но и с ним занимать твердую позицию Сталину было далеко нелегко. Если у Черчилля была сила характера, жесткость, выработанная в политических схватках в палате общин на протяжении многих десятилетий, то за Рузвельтом была огромная экономическая и военная мощь Соединенных Штатов Америки.

И тем не менее, как будет показано, Сталин смог занимать твердую непримиримую позицию в отношениях и с президентом США, когда обсуждались вопросы, затрагивавшие жизненно важные советские государственные интересы.

В переписке Сталина с премьер-министром Великобритании обращает на себя внимание исключительно широкий круг обсуждавшихся вопросов — второй фронт, созыв совещания министров иностранных дел в Москве осенью 1941 г., политика в отношении Ирана, Турции, военно-техническая и экономическая помощь Англии СССР, отношения с Японией и Китаем, вопрос об объявлении войны Великобританией Финляндии, Венгрии и Румынии, о признании советских границ на 22 июня 1941 г.

И это перечень только основных проблем, обсуждавшихся Сталиным с Черчиллем с начала Отечественной войны до битвы за Москву. В дальнейшем круг обсуждавшихся вопросов значительно расширился.

Указанные проблемы и их рассмотрение Сталиным, как это видно из его переписки с Черчиллем, имело глубоко профессиональный, квалифицированный характер, свидетельствовало об отличной подготовке советского руководителя для обсуждения и решения всех этих важнейших вопросов. У Сталина, как и у всех государственных и политических руководителей такого масштаба, были, конечно, советники, консультанты и всевозможные помощники.

Однако на всей переписке советского лидера с руководителями Великобритании и США лежит четкая печать его индивидуальности. Лаконичность, глубину анализа, яркость, образность и самобытность посланий Сталина, их жесткость не перепутаешь с творчеством никакого другого индивидуума. Никто и никогда не писал за Сталина его официальные выступления и тем более личные письма, что стало нормой для последующих советских руководителей.

Так же, как и Черчилль, Рузвельт в переписке со Сталиным исключительно высоко оценивал стойкость, упорство и героизм Красной Армии. В совместном послании Рузвельта и Черчилля Сталину, полученном 15 августа 1941 г., подчеркивалось: «Мы полностью сознаем, сколь важно для поражения гитлеризма мужественное и стойкое сопротивление Советского Союза». В послании президента, полученном Сталиным 30 сентября 1941 г., говорилось: «Я не могу передать Вам, насколько мы все восхищены доблестной оборонительной борьбой советских армий».

До вступления США в войну с Японией, что произошло 7 декабря 1941 г. (Германия объявила США войну 11 декабря 1941 г.), круг проблем, обсуждавшихся Сталиным с президентом Рузвельтом, был, конечно, значительно уже, если сравнивать переписку советского руководителя с Черчиллем.

Для переписки Сталина с Рузвельтом, так же как и для обмена посланиями между Председателем Совнаркома СССР и премьер-министром Великобритании, была характерна независимость Сталина, его желание и умение заставить своего партнера относиться к себе, а, следовательно, и к Советскому Союзу, с добавляющим уважением.

Выше отмечалось, что, в отличие от переписки с Черчиллем, где инициатива принадлежала английскому лидеру, Сталин первым 4 августа 1941 г. направил послание президенту США. Однако предложение начать регулярную переписку и на этот раз исходило не от Сталина. 2 ноября 1941 г. посол США в Москве Штейнгардт направил в МИД СССР памятную записку, один из пунктов которой гласил: «Президент выражает надежду, что г-н Сталин не замедлит войти в контакт непосредственно с ним, если этого потребуют обстоятельства».

Сталин ответил без задержки. 4 ноября 1941 г. он писал Рузвельту: «Что касается выраженного Вами, г-н Президент, пожелания, чтобы между Вами и мною был бы незамедлительно

установлен личный непосредственный контакт... то я с удовольствием присоединяюсь к этому Вашему пожеланию и готов со своей стороны сделать все возможное для осуществления этого».

Протокол — дело серьезное, особенно в отношениях между великими державами. И любое, особенно грубое его нарушение воспринимается как неуважение не только достоинства руководителя такой державы, но и неуважение к этому государству, к его народу.

Однако в контактах СССР с Англией, особенно с Соединенными Штатами, были свои дополнительные проблемы, которые накладывали четкий отпечаток на отношения между руководителями этих держав. Советский Союз был инородным телом в капиталистической цивилизации 20–40-х годов. Долгие годы санитарного кордона, экономической блокады, политического и дипломатического ostracism сделали свое дело. И советское руководство, лично Сталин очень настороженно относились к малейшему проявлению ущемления национального, государственного достоинства СССР, престижа его руководителей.

Особенно это касалось Соединенных Штатов, которые после длительных раздумий, продолжавшихся долгих 16 лет, наконец, признали СССР и установили с ним в ноябре 1933 г. дипломатические отношения. К слову сказать, они сделали это последними из великих держав. Инициатором этого важного решения был президент США Рузвельт. Известно, что у Сталина с Рузвельтом сложились во время войны отношения несравненно лучшие, чем у Сталина с Черчиллем. Сталин и Рузвельт питали друг к другу даже взаимную симпатию. Великий диктатор и великий демократ, как мы увидим ниже, на конференциях в Тегеране в ноябре 1943 г. и в Ялте в феврале 1945 г. значительно легче находили общий язык, чем Сталин с Черчиллем.

Великие руководители, как и простые смертные, тоже имеют свои симпатии и антипатии. Однако мне представляется, что на отношения между Сталиным и Рузвельтом воздействовали не только факторы чисто личностного порядка.

Имело важное значение и то, что Сталин восхищался деловой хваткой американцев, высоко ценил их достижения в развитии народного хозяйства, науки и технологии.

В силу нейтрального положения Соединенных Штатов, в котором они находились до 7 декабря 1941 г., перечень проблем, которые обсуждались в переписке между Сталиным и Рузвельтом, был, как уже указывалось, несравненно короче, если сравнивать

их с вопросами, поднимавшимися в переписке советского руководителя с Черчиллем.

Сталин и Рузвельт обменивались мнениями по вопросу об американской экономической и военной помощи СССР, о финансовых условиях оказания этой помощи, об использовании Красного Креста для получения Советским Союзом помощи США, о перспективах содействия Китаю в борьбе с японской агрессией.

Обращает на себя внимание более дружественный, теплый тон посланий Сталина Рузвельту по сравнению с его перепиской с Черчиллем. Для этого были свои объективные и субъективные причины.

США еще не участвовали в войне, и между двумя странами пока не было главной спорной проблемы — сроков открытия второго фронта. Важную роль играл и субъективный фактор. С именем Черчилля была связана интервенция 14 империалистических держав в Гражданскую войну в России на стороне белого движения. Имя Рузвельта ассоциировалось с установлением дипломатических отношений между СССР и США, признанием Соединенными Штатами Советского Союза. Играл свою роль и фактор чисто человеческий — Сталин и Рузвельт даже заочно, на расстоянии симпатизировали друг другу. В дальнейшем эти доброжелательные отношения еще больше укрепились, несмотря на серьезные противоречия, которые разделяли два союзных государства, — сроки открытия второго фронта, польский и германский вопрос, послевоенное урегулирование в целом и т. д.

Разумеется, не должно создаваться впечатление, что взаимопонимание, сложившееся между Сталиным и Рузвельтом, было идентичным слепком с настроений американской общественности, с ее отношением к борьбе Красной Армии, к Советскому Союзу в целом, к Сталину в частности.

Америка всегда была и остается многоликой. Поляризация общественного мнения здесь огромна, и период Второй мировой войны в этом плане не был исключением. Более того, на крутых поворотах истории эта многополярность, противоречивость во мнениях и оценках всегда усиливаются.

Недоброжелательных высказываний в адрес Красной Армии, Советского Союза, лично Сталина в США публиковалось очень много и на протяжении всей войны.

<...>

Накануне заключения пакта с Германией Сталина преследовал кошмар оказаться перед угрозой мощной антисоветской

коалиции. После начала войны политическая конъюнктура развивалась достаточно благополучно. Советский Союз мог опереться на дружественную позицию Соединенных Штатов. С Англией быстро устанавливались союзнические отношения. Об этом свидетельствовали не только контакты, поддерживавшиеся между Сталиным и Черчиллем, но и целый ряд других фактов.

Агентство Рейтер⁴ 21 ноября 1941 г. сообщало, что Черчилль обратился к недавно созданному видными общественными деятелями Комитету англо-советских отношений с посланием, в котором содержались поздравление и сердечные, добрые пожелания успеха делу, осуществляемому Комитетом.

В этом послании, которое было зачитано на устроенном Комитетом приеме в честь посла СССР в Англии И. М. Майского и министра иностранных дел Великобритании А. Идена, Черчилль заявлял: «Я горячо поддерживаю цели, которые вы перед собой поставили, и работу, которую вы проводите для их достижения. Я уверен в том, что удельный вес общественного мнения, представленного Комитетом, настолько велик и охватывает столь разнообразные социальные слои, что будет поддержкой для наших русских союзников в героической борьбе против общего врага».

В своих речах, произнесенных на этом приеме, Майский и Иден подчеркнули тесное и дружественное сотрудничество, существовавшее между Великобританией и Советским Союзом. Иден заявил: «Я полностью убежден в справедливости истины, что по основным вопросам международной политики не существует никаких поводов для какого-либо столкновения интересов между СССР и Великобританией». При этом Иден сослался на свои беседы со Сталиным и Литвиновым во время посещения им Москвы в 1935 г. и на опубликованное тогда совместное коммюнике, в котором указывалось на «отсутствие всякого столкновения интересов между двумя правительствами по какому-либо вопросу международной политики». Сказанное в 1935 г. было подтверждено фактами в 1941 г. «и будет подтверждено в будущем, — говорил Иден. — Мы — люди Великобритании — хотим теснейшего сотрудничества с Советским Союзом как в настоящее время, так и после войны, когда мы снова будем озабочены делом мира», — сказал министр иностранных дел Великобритании.

Послание Черчилля Комитету англо-советских отношений, выступления Майского и Идена на приеме, устроенном этим Комитетом, были хорошей иллюстрацией к подписанному в Москве

12 июля 1941 г. «Соглашению между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии». В соглашении были зафиксированы взаимные обязательства об оказании помощи и поддержки в войне, а также об отказе от заключения сепаратного мира с противником. Это соглашение положило начало созданию антигитлеровской коалиции.

Деятельность Комитета англо-советских отношений, участие в его работе премьер-министра и министра иностранных дел Великобритании были убедительным свидетельством антифашистского, народного характера Второй мировой войны.

Это учитывали в своей практической деятельности и Черчилль и Рузвельт.

<...>

<...> Черчилль исключительно высоко оценивал героизм Красной Армии, ее определяющий вклад в борьбу с общим врагом. То же самое характерно было и для публичных выступлений премьер-министра. Однако истинное отношение Черчилля к своему русскому союзнику наглядно проявилось в его письме от 28 октября 1941 г. В самый напряженный период боев за Москву премьер-министр писал английскому послу в СССР Стаффорду Криппсу в Куйбышев: «Они (советские лидеры. — Р. И.) сами подписали свой приговор, когда, заключив пакт с Риббентропом, дали возможность Гитлеру наброситься на Польшу и этим развязали войну. Они лишили себя эффективного второго фронта, когда допустили уничтожение французской армии». В те же дни Черчилль заявил, что «о втором фронте не может быть и речи».

Что касается «уничтожения французской армии», то премьер-министр явно пытался свалить вину с больной головы на здоровую. Ведь не Советский Союз, не Сталин были инициаторами «странной войны», когда те же французские вооруженные силы прекратили всякие активные действия против противника, дав ему возможность в спокойной обстановке подготовиться к разгрому французских вооруженных сил. Не советский, а английский экспедиционный корпус пытался помочь французской армии. Чем это закончилось, широко известно — немцы наголову разгромили британские войска. В уничтожении французской армии была доля вины Англии, но ни в коей мере не Советского Союза, как утверждал Черчилль.

«Объективность» Черчилля в оценке позиции Сталина, советских лидеров, мягко говоря, носила своеобразный характер. В письме к Криппсу он ни одним словом не обмолвился о мюнхен-

ской политике своих коллег по британскому кабинету, сыгравшей столь роковую роль в развязывании Второй мировой войны. Это тем более показательно, что Черчилль, надо отдать ему должное, был среди тех английских политиков, которые с самого начала мюнхенского курса видели всю его пагубность для Великобритании и для дела мира в мировом масштабе.

В переписке Черчилля со Сталиным звучали другие мотивы: «Вполне возможно, что оборона Москвы и Ленинграда, — писал Черчилль, — так же как и блестящее сопротивление, оказываемое захватчику на всем русском фронте, нанесет смертельные раны внутренней структуре нацистского режима».

<...>

Достаточно скупой на похвалы У. Черчилль писал 5 декабря 1941 г. Сталину о том, «с каким восхищением весь британский народ следит за стойкой обороной Ленинграда и Москвы храбрыми русскими армиями и как все мы рады по поводу Вашей блестящей победы в Ростове-на-Дону». 16 декабря 1941 г. английский премьер, дав волю эмоциям, информировал Сталина: «Невозможно описать то чувство облегчения, с которым я каждый день узнаю о ваших замечательных победах на русском фронте. Я никогда еще не чувствовал себя столь уверенным в исходе войны».

Еще до начала разгрома немцев под Москвой Черчилль, проявив незаурядный дар предвидения, писал Сталину (получено 22 ноября 1941 г.), что оборона Москвы и Ленинграда, так же как и блестящее сопротивление, оказываемое захватчику на всем русском фронте, возможно, нанесет смертельные раны внутренней структуре нацистского режима.

<...>

29 мая Молотов прибыл в Вашингтон. Во время переговоров с Рузвельтом и высшим военным руководством США советская сторона с большим трудом добилась включения в советско-американское коммюнике пункта о том, что «была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.».

Согласившись на включение в коммюнике точной даты открытия второго фронта в Европе, Рузвельт создал себе и Черчиллю сложнейшую проблему. Обещание не было выполнено, и надо было объяснять Сталину причины этого. Впрочем, обещание давал Рузвельт, а неблагоприятную задачу — объясняться со Сталиным — пришлось выполнять Черчиллю.

Чем было вызвано такое разделение труда между Рузвельтом и Черчиллем?

Очевидно, в этом проявилась судьба младшего партнера, на долю которого всегда выпадает самая неприятная работа. А то, что в тандеме Рузвельт — Черчилль последний играл роль младшего партнера, было очевидно всем, в том числе и премьер-министру Великобритании.

Сыграло свою роль и то, что Черчилль больше и дольше контактировал со Сталиным путем переписки, лучше знал своего будущего партнера по переговорам. По складу своего характера, отличавшегося напористостью, мертвой хваткой, упрямством, Черчилль в несравненно большей степени, чем Рузвельт, подходил для предстоявшего неприятного объяснения с таким неординарным человеком, как Сталин.

Во всяком случае, на семейном совете Рузвельт — Черчилль было решено, что неблагоприятная задача объявить советскому руководителю о том, что второй фронт в 1942 году не будет открыт, выпала на долю английского лидера.

Тем временем исполнился год после начала Великой Отечественной войны Советского Союза. Эта дата была отмечена многочисленными митингами и собраниями в Англии, США, Канаде.

В сообщении ТАСС говорилось: «Участники митинга в Мэдисонсквер (в Нью-Йорке. — *Р. И.*) 22 июня, посвященного годовщине гитлеровского нападения на Советский Союз, с энтузиазмом приняли приветственные телеграммы товарищу Сталину и защитникам Севастополя».

В телеграмме Сталину отмечалось: «Многочисленный митинг, созванный в честь годовщины героической борьбы доблестной Красной Армии, искренне отдаст должное вашему вдохновляющему руководству советским народом и приветствует возможность сплотить ряды вокруг ваших знамен, чтобы ускорить окончательный разгром фашизма».

Отсутствие второго фронта ставило западных руководителей в сложное положение в их отношениях со Сталиным. Затягивание сроков открытия второго фронта создавало и свои проблемы для Рузвельта и Черчилля в их странах, общественность которых решительно ставила вопрос о необходимости скорейшего открытия этого фронта. По мнению руководителей США и Великобритании, выход был найден в подготовке и реализации операции «Торч» («Факел») — высадка англо-американских войск в Северной Африке.

Осуществлена эта операция была в ноябре 1942 г. Сталин получил информацию от Черчилля о ее подготовке в августе того же года.

В августе 1942 г. Черчилль побывал с официальным визитом в Москве, где состоялась его встреча с советским руководителем. Премьер-министр Великобритании вспоминал: «В этот момент Сталин, по-видимому, внезапно оценил стратегические преимущества операции “Торч”. Он перечислил четыре основных довода в ее пользу. Во-первых, это нанесет Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции; в-четвертых, это поставит Италию под непосредственный удар».

Черчилля поразила быстрая и четкая реакция Сталина на предстоящую операцию. «Это замечательное заявление, — продолжал премьер-министр, — произвело на меня глубокое впечатление. Оно показывало, что русский диктатор быстро и полностью владел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно».

В переписке с Рузвельтом Черчилль в несколько ином плане оценивал реакцию Сталина на операцию «Факел». 15 августа 1942 г. премьер-министр писал президенту: «Я серьезно полагаю, что в глубине своего сердца, если оно есть у него, Сталин сознает, что мы правы (осуществляя высадку в Северной Африке. — *Р. И.*)...»

Операция «Факел» означала, что наконец-то дело сдвинулось с мертвой точки. Но высадка в Северной Африке ни в коей мере не могла заменить второй фронт. И высоко оценивая эту операцию, Сталин, тем не менее, при встрече с Черчиллем в Москве вновь возвратился к проблеме второго фронта. В памятной записке, которую он вручил Черчиллю 13 августа 1942 г., говорилось: «Легко понять, что отказ Правительства Великобритании от создания второго фронта в 1942 г. в Европе наносит моральный удар всей советской общественности, рассчитывающей на создание второго фронта, осложняет положение Красной Армии на фронте и наносит ущерб планам Советского Командования».

Обращает на себя внимание, что, будучи младшим партнером в англо-американском блоке, Черчилль несравненно более энергично боролся за срыв открытия второго фронта, чем Рузвельт.

Хотел ли премьер-министр быть католиком больше папы римского?

Скорее всего, позиция Черчилля определялась тем, что он больше, чем Рузвельт, был завязан на европейские проблемы. А именно вокруг этих проблем развернется главная борьба в будущей холодной войне. И английский лидер, готовя свои стратегические позиции к грядущему столкновению с СССР, максимально стремился ослабить будущего противника, затягивая открытие второго фронта.

Приведенная выше оценка реакции Сталина на информацию Черчилля о предстоящей высадке союзников в Северной Африке давалась в мемуарах Черчилля, которые он писал в разгар холодной войны. Отсюда и такие формулировки, как «диктатор», когда Черчилль говорит о Сталине.

Интересно и показательно сравнить эти оценки Черчилля с его выступлением в палате общин сразу же после встречи с советским руководителем. Речь Черчилля, произнесенная им 9 сентября 1942 г., почти целиком была посвящена его встрече со Сталиным.

Черчилль сказал: «...Меня сопровождал (в Москву. — *Р. И.*) личный представитель Рузвельта Гарриман, который мог говорить от имени президента. Мы провели четыре дня в беседах со Сталиным, причем наши беседы продолжались по пять-шесть часов, и мы с исключительной тщательностью и серьезностью подвергли обсуждению все вопросы».

Достигнутые решения, сказал премьер-министр, должны оставаться в тайне. Я сообщил о них членам кабинета. Могу только сказать, что русские не считают, что мы или Америка сделали достаточно для того, чтобы облегчить их бремя, и это неудивительно, принимая во внимание ожесточенность натиска, который они выдерживают с исключительным упорством.

Черчилль сказал, что он убежден в том, что ему и Гарриману удалось вселить в вождей России чувство уверенности в лояльности и искреннюю решимость англичан и американцев прийти русским на помощь так быстро, как только возможно, не считаясь с жертвами и потерями, раз это нужно для достижения победы.

Как видно из выступления Черчилля, он в очень обтекаемой форме коснулся вопроса о втором фронте, обсуждавшегося во время его встречи со Сталиным. И объяснялось это не только и не столько соображениями военной тайны, сколько тем, что премьер-министр не мог сказать ничего вразумительного ан-

гличанам, почему он столь резко выступает против открытия второго фронта. Ему было невозможно даже в самой общей форме коснуться истинных причин своей позиции по проблеме, которая стала главным камнем преткновения в отношениях со Сталиным.

Выступая в палате общин, Черчилль говорил: «Встреча со Сталиным явилась событием, представляющим для меня большой интерес. Цель моего посещения состояла в том, чтобы установить отношения полного доверия, подобно тому, как я установил их с Рузвельтом, и я думаю, что, несмотря на размеры Вавилонской башни, которая продолжает существовать как своего рода барьер, нам в значительной степени удалось этого достигнуть. Для России большое счастье, что в час ее страданий во главе государства стоит этот великий, твердый полководец. Сталин является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в которых ему приходится жить».

Показательна оценка характера Сталина, которую давал Черчилль: «Он является человеком неистощимого мужества и силы воли, простым человеком, непосредственным и даже резким в разговоре, что я, как человек, выросший в палате общин, не могу не оценить, в особенности, когда я могу в известной мере сказать это и о себе. Прежде всего, Сталин является человеком с тем спасительным чувством юмора, который имеет исключительное значение для всех людей и для всех наций, и в особенности для великих людей и для великих вождей. Сталин произвел на меня также впечатление человека, обладающего глубокой хладнокровной мудростью, с полным отсутствием иллюзий какого-либо рода».

Премьер был убежден, что он успешно выполнил свою миссию: «Я верю, что мне удалось дать ему почувствовать, что мы являемся хорошими и преданными товарищами в этой войне, но это докажут дела, а не слова».

Одно совершенно очевидно, продолжал Черчилль, — непоколебимая решимость России бороться с гитлеризмом до конца, до его окончательного разгрома. «Сталин сказал мне, что русский народ в обычных условиях является по природе своей миролюбивым народом, но что дикие зверства, совершенные против этого народа, вызвали в нем такую ярость и возмущение, что его характер изменился».

Впервые с начала советско-германской войны Черчилль, выступая в палате общин, разразился таким настоящим панегири-

ком в адрес Сталина. На мой взгляд, это звучало как компенсация советскому руководителю за нежелание западных союзников вовремя открыть второй фронт в Европе.

Премьер-министр был глубоко прав, когда, обращаясь к членам палаты общин, говорил о том, что подлинное военное товарищество могут доказать «дела, а не слова».

Именно отсутствие «дела» было самым слабым местом партнеров Сталина по Большой тройке. Практические дела Черчилля и Рузвельта доказывали, что в главном вопросе — об открытии второго фронта, они еще долго будут ограничиваться только словами, не торопясь выполнять свое главное обязательство перед советским союзником.

Черчилль покидал Москву полный оптимизма: «Когда я летел назад в Каир над необозримыми горными хребтами и пустынями, — говорил он в палате общин, — я увозил с собой убеждение, что между Британской империей, Соединенными Штатами и Советским Союзом Гитлер выковал такой союз и содружество, которые достаточно сильны для того, чтобы повергнуть Гитлера на землю, и достаточно прочны, чтобы существовать до тех пор, пока не будут наказаны его злодеяния, и до тех пор, пока не будет ликвидирована хотя бы часть причиненного им зла».

Премьер-министр Великобритании был убежден в прочности союза со Сталиным и Рузвельтом: «Сейчас мы не одни, а среди мощного сообщества величайших в мире вождей и наций,двигающихся вместе вперед к завоеванию абсолютной победы до тех пор, пока она не только будет завоевана, но и поставлена на непоколебимые основы».

По вполне понятным причинам Черчилль не мог в своей речи в Палате общин в деталях рассказать о том, что ему пришлось в Москве выполнить крайне неприятную миссию — проинформировать Сталина о том, что обещание союзников открыть второй фронт в Европе в 1942 г. не будет выполнено.

Накануне этого неприятного разговора Черчилля, наверное, морально поддерживало только то, что новый английский посол в Москве Керр информировал премьер-министра: «Следует помнить, что он (Сталин. — *Р. И.*) верит в Вашу добрую волю и, я думаю, готов принять от Вас больше, чем от кого-либо другого, даже такой тяжелый удар».

Мнение посла было существенно, но Черчилль и по переписке со Сталиным мог судить о том, что это жесткий, логически

мыслящий партнер, который умеет держать свое слово и требует того же от своих собеседников, тем более связанных с ним союзническими отношениями.

Черчилль подробно рассказывал в мемуарах о том, как он сообщил Сталину, что обещание открыть в 1942 г. второй фронт не может быть реализовано.

«Я прибыл в Кремль, — вспоминал Черчилль, — и впервые встретился с великим революционным вождем и мудрым русским государственным деятелем и воином, с которым в течение следующих трех лет мне предстояло поддерживать близкие, суровые, но всегда волнующие, а иногда даже сердечные отношения».

Черчилль писал: «Наше совещание продолжалось около четырех часов. Первые два часа были унылыми и мрачными».

Премьер-министр, очевидно, был неплохим психологом. Зная, что Сталин не любит при обсуждении серьезных проблем любые недомолвки и попытки уклониться от обсуждения вопросов по существу, Черчилль в самом начале беседы «взял быка за рога». «Я, — писал Черчилль, — сразу же начал с вопроса о втором фронте, заявив, что хочу говорить откровенно и хотел бы, чтобы Сталин тоже проявил такую откровенность».

Ход Черчилля был оправдан. «Будучи сам закоренелым реалистом, Сталин особенно ценил в других людях именно реализм».

Английский гость мобилизовал все свое красноречие, чтобы убедить советского руководителя в том, что союзники не имеют материальных возможностей открыть второй фронт в согласованные сроки. Черчилль признавал, что выполнить эту задачу ему не удалось: «Наступило гнетущее молчание. В конце концов, Сталин сказал... что не согласен с моими доводами».

Для Черчилля личное знакомство со Сталиным произошло в очень сложных для него условиях. Шел август 1942 г. Немцы успешно развивали свое наступление на Сталинград и на Кавказском направлении, создав для Красной Армии не менее трудную ситуацию, чем во время битвы за Москву. И в этом труднейшем для СССР положении Черчилль 18 июня 1942 г. ввиду тяжелых потерь английских конвоев, направлявшихся в Мурманск, сообщил Сталину о прекращении западными союзниками военных поставок Советскому Союзу. Теперь Черчилль направлялся в Москву, чтобы сказать Сталину о том, что в 1942 г. второй фронт открыт не будет. Ситуация для премьер-министра сложилась очень неприятная. Пришлось мобилизовать все свое дипломатическое

искусство, красноречие, чтобы сообщить Сталину о срыве сроков открытия второго фронта и одновременно заложить основу для будущих контактов с советским руководителем.

В целом эту сложную миссию английский премьер-министр выполнил.

Черчилль выступил со своей речью в палате общин 9 сентября 1942 г. Оставалось два месяца до начала операции «Факел», с которой он и Рузвельт связывали большие, не только военные, но и политические надежды.

Значение первой крупной наступательной операции западных союзников было действительно велико с политической и морально-психологической точки зрения, но Вашингтон и Лондон явно переоценивали ее военные последствия.

<...>

Положение Советского Союза усугублялось тем, что в тылу сражающейся Красной Армии, на Дальнем Востоке, нависла реальная угроза со стороны японской армии. 3 сентября 1941 г. Сталин писал Черчиллю: «Советский Союз не считает возможным нарушать договоры, в том числе и договор с Японией о нейтралитете. Но если Япония нарушит этот договор и нападет на Советский Союз, она встретит должный отпор со стороны советских войск».

Информация американской дипломатической службы о том, что Сталин считал вполне вероятным нападение Японии на Советский Союз, подтверждалась и из английских источников. Министр иностранных дел Великобритании Антони Иден, сообщая Черчиллю о своей встрече со Сталиным в декабре 1941 г., писал, что советский руководитель «считает вероятным нападение Японии на СССР».

Был ли Сталин действительно уверен, что не позже весны 1942 г. Япония нападет на СССР, или он преднамеренно дезинформировал своих собеседников?

Если он был в этом уверен, то это была его вторая крупнейшая стратегическая ошибка на протяжении полугода, в течение которого решалась судьба страны.

Сначала Сталин был твердо убежден, что Гитлер не рискнет пойти на войну с Советским Союзом, не добившись разгрома Англии. За эту уверенность пришлось заплатить страшную цену.

Если Сталин искренне верил в неизбежность нападения Японии на СССР до весны 1942 г., то это был серьезный стратегический про-

счет, создававший сложнейшие проблемы для всего хода Второй мировой войны и в первую очередь, конечно, для Советского Союза.

Не исключена возможность, что Сталин выступил с таким заявлением, чтобы оказать давление на Черчилля и Рузвельта. Руководство США и Великобритании, часть общественности этих стран сомневались, выдержит ли Россия фактически один на один тяжелейшую войну с Германией, за которой стояла экономическая и военная мощь почти всей континентальной Европы.

Если же России угрожает еще и нападение со стороны Японии, то это может иметь для нее и всех ее союзников катастрофические последствия. Значит, в Вашингтоне и в Лондоне должны поторопиться с открытием второго фронта.

Впрочем, для Сталина не был характерен такой витиеватый подход к принципиальным проблемам. Он всегда предпочитал ставить такие проблемы открыто и резко. Тем более, когда был твердо убежден в правоте своей точки зрения.

А в вопросе о втором фронте его правота была бесспорна.

И как об этом свидетельствует переписка Сталина с Черчиллем и Рузвельтом, протоколы Тегеранской конференции 1943 г., в вопросе об открытии второго фронта его позиция была прямой, четкой, предельно резкой. Бесконечные переносы сроков его открытия советский руководитель рассматривал как грубейшее нарушение союзниками своих обязательств перед СССР.

<...>

Главное внимание в своем продолжительном выступлении 10 сентября 1942 г. Гарриман уделил Сталину и Черчиллю. «В прошлом месяце я участвовал в течение многих часов в обсуждении военных вопросов между Сталиным и Черчиллем — лидерами двух наших величайших союзников, — говорил Гарриман. — Сталин — сын грузинского сапожника, а Черчилль — потомок старинной, известной английской семьи, а его мать — американка. Трудно найти двух людей более различных по своему происхождению, каждый из них воспитывался в совершенно различной школе политической и экономической мысли. Однако в настоящее время оба они имеют одну и ту же цель — уничтожение тирании, угрожающей независимости их стран. Ни тот ни другой не откажутся от этой задачи. Оба они имеют жгучую ненависть к Гитлеру и ко всему тому, что он отстаивает. Эта ненависть застилает прошлое и создает базу для взаимного доверия».

<...>

В лице Сталина и Черчилля Гарриман видел мощных и надежных союзников США.

Гарриман говорил: «Мы имеем основания радоваться, что эти два человека нашли общую цель, цель общую с нашим президентом, общую со всеми нами. Я слышал, как эти два человека выражали своими собственными словами свою веру и надежду на президента Рузвельта и на США. Надежду на конечную победу, надежду на перестройку всего мира, которая обеспечит мир и счастье для всех народов. Мы имеем основания быть благодарными этим двум нациям, которые дали таких сильных и решительных вождей. Эти переговоры еще теснее объединили Сталина и Черчилля, еще теснее сплотили русский и английский народы и укрепили связи между нашими союзниками».

Профессиональный дипломат высочайшего класса, Аверелл Гарриман в своем выступлении перед откровенно просоветской аудиторией умело расставлял политические акценты. Он давал исключительно высокую оценку профессиональным и личным качествам Сталина, старательно избегал касаться спорных проблем межсоюзнических отношений.

Касаясь сообщений печати о разногласиях между Сталиным и Черчиллем, Гарриман сказал: «Черчилль заявил вчера всему миру, что Сталин и другие русские лидеры не понимают, почему мы не можем делать больше, чем мы делали до сих пор. Если это представляет собой расхождение, то тогда — это правда, которую вы слышали из уст Черчилля. Помимо этого, я могу заверить вас, что существует взаимное уважение. Я знаю из заявлений Сталина, и мы слышали публичное заявление Черчилля об этом, что русское правительство рассматривает англичан и нас как своих преданных союзников».

<...>

Когда Черчилль встретился со Сталиным в августе 1942 г., он изложил ему массу военно-технических причин, объяснявших, по его мнению, причину срыва сроков открытия второго фронта.

Однако все же бесспорно, что главное заключалось в том, что руководство и Англии, и США опасалось серьезного укрепления военной мощи Советского Союза в Европе, да и в мировом масштабе, в результате военного разгрома Германии. И чем дольше, по их мнению, Советский Союз будет сражаться с главными немецкими вооруженными силами, тем больше будут его потери, тем слабее будут советские позиции в послевоенный период.

Абстрагироваться от такого вывода очень сложно, когда знакомишься с документальными материалами, отражающими все перипетии борьбы вокруг открытия второго фронта.

На советско-германском фронте шли ожесточенные бои, союзники еще не открыли второго фронта, а в Лондоне и Вашингтоне глубоко анализировали перспективы послевоенной политики СССР.

1 сентября 1943 г. в еженедельном обзоре военной разведки «СССР — положение, возможности, намерения», готовившемся для президента, говорилось: «Сталин будет бороться за господство в Восточной Европе, он имеет интересы в Иране, в зоне Персидского залива».

Черчилль особенно активно выступал за то, чтобы всемерно помешать укреплению позиций Советского Союза в Восточной Европе.

Американский автор писал: «Черчилль и англичане стремились пересечь Средиземное море и высадиться в Италии... чтобы получить плацдарм для послевоенной борьбы за политический контроль в Восточной Европе».

Оливер Литтлтон, один из английских министров довоенного времени, писал позднее, что Черчилль «настойчиво обращал внимание на преимущества, которые могут быть получены, если западные союзники, а не русские, освободят и оккупируют некоторые столицы, такие, как Будапешт, Прага, Вена, Варшава, составляющие часть самой основы европейского порядка».

Английский историк отмечал: «По мере продолжения немецкого наступления на Сталинград общественное мнение Англии все больше склонялось к тому, что союзники опоздают с открытием второго фронта. Было подозрение, что Британия оставила Россию сражаться с Германией, так как английское правительство не хотело, чтобы Россия вышла из войны слишком сильно».

Кому что брать в Европе, станет актуальным на завершающем этапе войны. Однако и в период до открытия второго фронта и Черчилль и Рузвельт постоянно имели в виду эту проблему.

Помимо второго фронта, был еще один серьезный вопрос, осложнявший отношения СССР с союзниками, Сталина с Рузвельтом и Черчиллем. Это — проблема военных поставок союзников Советскому Союзу.

Потери морских конвоев, следовавших из Англии в Мурманск, были огромны. Только в июне 1942 г. из 34 судов, шедших в Мурманск, 23 были потоплены. Всего за первую половину 1942 г.

было потеряно более 4 млн тонн груза. Потери английского флота в личном составе были очень тяжелыми.

Черчилль 18 июня 1942 г. известил правительство СССР о прекращении поставок. Это решение получило полную поддержку за океаном. «В этом вопросе американцы проявили полное понимание. Несколькими днями позже генерал Маршалл заметил, что «нет необходимости нести чрезмерные потери при проводке этих конвоев только ради того, чтобы задобрить Сталина».

Решение о прекращении военных поставок Советскому Союзу было принято Англией и Соединенными Штатами, как указывалось выше, в период мощного наступления немецкой армии на южном участке советско-германского фронта. Ведя тяжелые оборонительные бои, Красная Армия, неся большие потери, отходила к Сталинграду и в предгорья Кавказа. И в этот напряженнейший момент союзники прекратили военные поставки Советскому Союзу.

Англичан и американцев можно было понять: потери конвоев действительно были огромны. «Это была арифметика отчаяния. Казалось, что вынести такие потери невозможно».

Однако, так же как и с вопросом о переносе сроков открытия второго фронта, решение союзниками было принято в одностороннем порядке, без согласования с правительством СССР. Советская сторона заявила решительный протест, но ни США, ни Англия своего решения не пересмотрели. Лишь в октябре и ноябре 1942 г. в СССР было направлено два конвоя. К концу 1942 г. согласованная программа поставок в Советский Союз была выполнена всего на 55%.

Черчилль был инициатором и прекращения поставок, и переноса сроков открытия второго фронта, что было, пишет В. Г. Трухановский, «грубейшим нарушением союзнических обязательств перед СССР».

Позиция Черчилля в этих вопросах была тем более неприглядной, что он прекрасно понимал в сколь трудном положении была Красная Армия в период, когда он принимал решения и по вопросу о втором фронте, и о приостановке посылки конвоев. 4 марта 1942 г., как указывалось выше, показав незаурядный дар военно-политического предвидения, Черчилль сообщал Рузвельту, что весной немцы нанесут России самый страшный удар.

Требую в очередной раз отложить открытие второго фронта, Черчилль явно играл с огнем, проявлял настоящий авантюризм. Дело «в том, что у премьера были серьезные сомнения в способности

Советского Союза выдержать страшный удар огромной немецкой военной машины. 27 июля 1942 г., когда на юге СССР развертывалось мощное немецкое наступление, Черчилль информировал Рузвельта, что он допускает возможность того, что «русский фронт не выдержит. Если на советско-германском фронте была такая угрожающая ситуация, значит, логичным было сделать все возможное для скорейшего открытия второго фронта. У английского премьера была логика чисто политического характера: максимально ослабить Советский Союз в борьбе с Германией и создать, таким образом, благоприятные для Запада позиции в будущих баталиях с советским союзником после окончания войны.

Выполнение взятых на себя обязательств — важнейшее условие успешного функционирования любого военно-политического союза, особенно в военное время, т. к. за отказ выполнять свои обязательства другая сторона расплачивается самой дорогой ценой — гибелью своих солдат и офицеров, огромными материальными потерями.

Летом 1943 г. США и Великобритания приняли очередное решение о переносе сроков открытия второго фронта, что вызвало незамедлительную и очень резкую реакцию со стороны советского руководства. 11 июня 1943 г. И. В. Сталин писал Рузвельту, что союзники сорвали выполнение своих обязательств и что советское правительство «не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода войны. 24 июня 1943 г. в послании Черчиллю Сталин подчеркивал, что «дело идет здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам...».

Это был самый резкий обмен мнениями на высшем уровне по вопросу об открытии второго фронта за весь период войны. Ставя вопрос о доверии к союзникам, Сталин по существу поднимал проблему возможного распада блока союзных держав: какая могла быть коалиция, если нет доверия между ее участниками? Это была качественно новая постановка проблемы за весь период жестких дебатов Сталина с Черчиллем и Рузвельтом по вопросу о сроках открытия второго фронта.

Американская дипломатия была серьезно обеспокоена столь болезненной реакцией советского руководства на срыв сроков открытия второго фронта.

5 июля 1943 г. новый посол США в СССР А. Гарриман сообщал Рузвельту: «Я озадачен телеграммой Сталина (Рузвельту. — *Р. И.*). Единственное объяснение Черчилля сводится к тому, что Сталин хочет, чтобы мы оказались втянутыми в войну в Западной Европе с тем, чтобы помешать нам проникнуть на Балканы. Возможно, это и правда. Но, с другой стороны, ваше мнение, что он направил эту телеграмму для того, чтобы удовлетворить своих военных советников, я считаю более обоснованным. Мы всегда должны иметь в виду, что выражения Сталина грубые. Я слышал, когда он говорил вещи, которые были бы непростительны среди англосаксов».

<...>

Аналогичная тревожная реакция на Сталинградскую битву была не только в США, но и в Англии. В «мемуарах Черчилля хорошо передана напряженная ситуация, сложившаяся летом 1942 г. под Сталинградом. Премьер приводил слова Сталина из его послания на имя Черчилля от 31 июля 1942 г., в котором говорилось, что «угроза со стороны (Гитлера. — *Р. И.*) в отношении Англии, США и СССР теперь достигла особой силы». В послании Рузвельту от 27 июля 1942 г. Черчилль очень скептически оценивал положение на Сталинградском фронте. Он допускал даже самое худшее — поражение СССР в войне.

<...>

Сталин не делал секрета из советских планов в боях за Сталинград. В переписке с Рузвельтом и Черчиллем Советский Главнокомандующий регулярно информировал их о положении на этом главном участке советско-германского фронта. В свою очередь, Сталин получал от них полную информацию о положении в Северной Африке.

14 ноября 1942 г. Сталин сообщал Черчиллю: «В ближайшее время думаем начать зимнюю кампанию. Когда именно удастся начать, это зависит от погоды, которая не в нашей власти. О ходе операций буду осведомлять Вас регулярно».

«Ближайшее время» наступило 19 ноября, когда мощной артиллерийской подготовкой началось контрнаступление Красной Армии под Сталинградом.

<...>

Черчилль очень жестко парировал советские упреки в том, что союзники затягивают открытие второго фронта. Премьер-министр заявил: «Мы уже воюем на трех фронтах — в Атлантике, на Тихом океане и на Ближнем Востоке».

Однако премьер-министр Великобритании не посчитал нужным сообщить, сколько дивизий противника сражалось на этих фронтах против английских вооруженных сил. Если бы он произвел такой подсчет, то реальный вклад Англии в борьбу против общего противника выглядел бы очень неубедительно по сравнению с военными усилиями советских вооруженных сил.

<...>

Черчилль заверил членов палаты общин, что Англия и США сделают все возможное, чтобы «оттянуть врага и его воздушные силы с русского фронта».

В переписке с Черчиллем и Рузвельтом Сталин, отклоняя их неоднократные предложения встретиться на высшем уровне, как сказали бы сегодня, ссылаясь на занятость военными делами, поездками на фронт.

Многие отечественные историки ставят под сомнение ссылки Сталина на посещение им действующей армии. А. Рыбин, много лет прослуживший в личной охране Сталина, приводит многочисленные факты о его поездках на фронт.

Английская пресса оживленно комментировала результаты встречи Черчилля с Рузвельтом.

В сообщении из Лондона от 28 января 1943 г. говорилось, что «Дейли телеграф энд морнинг пост» опубликовала статью, в которой отмечалось: «Нельзя было ожидать, что Сталин сможет выехать из России в столь важный и вдохновляющий час. Однако Россия была полностью в курсе подготовки встречи и ее результатов». Газета отмечала, что предстоящая весна покажет, смогут ли оправиться немцы от нанесенных им русскими этой зимой ударов. К тому времени мощные удары на других фронтах могли бы превратить поражение противника в его разгром.

В сообщении из Лондона от 22 февраля 1943 г. отмечалось: «Каирский корреспондент агентства Рейтер передал, что Черчилль, возвратившись из Турции в Каир после своих переговоров с президентом Иненю, выступил на пресс-конференции. Он остановился на деталях военной ситуации в Северной Африке и заявил: «Все это сейчас отодвинуто в сторону огромнейшими достижениями храбрых войск наших русских союзников под верховным командованием Сталина, великого полководца, имя которого будет жить в веках и будет самым любимым в истории русского народа. Вполне возможно, что поражение немцев под Сталинградом окажется решающим».

Прогноз Черчилля в отношении Сталина, который будет «самым любимым в истории русского народа», мягко выражаясь, не оправдался. Используя слова Сталина, после смерти на его могилу высыпали «кучу мусора», и ветер истории не смог ее полностью развеять.

Что же касается оценки роли и места Сталинградской битвы, то в этом случае прогноз Черчилля полностью оправдался.

«Ньюс кроникл» писала в те дни, что «мерилом поражения Гитлера может служить то значение, какое приписывали битве за Сталинград как Черчилль, так и Советский Союз. Город Сталина стал больше, чем только местом сражения... он стал символом воли русских к сопротивлению. Неудивительно, что Гитлер не осмелился подойти к микрофону 30 января — в день десятилетия захвата гитлеровцами власти».

<...>

Незадолго до Тегеранской конференции между Сталиным и Рузвельтом обсуждался вопрос, который был довольно болезненно воспринят Черчиллем.

Общественность, конечно, не была информирована о самом резком за всю войну обмене посланиями, который произошел в июне 1943 г. между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем по вопросу об очередном срыве Англией и США сроков открытия второго фронта.

Рузвельт в мае направил в Москву бывшего посла Соединенных Штатов в Советском Союзе Джозефа Э. Дэвиса, чтобы заверить Сталина и Молотова в том, что их разногласия с западными союзниками могут быть разрешены. Сталин был настроен скептически, но был готов согласиться на личную встречу с президентом.

Рузвельт предлагал встретиться в районе Берингова пролива. Сталин дал на это согласие и отметил, что встреча могла бы состояться в июле — августе 1943 г.

25 июня 1943 г. Черчилль телеграфировал Рузвельту, который держал его в курсе переговоров со Сталиным, что необходима встреча представителей всех трех держав, поскольку пропаганда стран оси сумела бы в своих целях воспользоваться любой встречей, из которой были бы исключены англичане.

Узнав, что Черчилль также хотел бы принять участие во встрече, Сталин отказался от этой идеи.

Изложенный факт является лишним свидетельством того, что отношения между Сталиным и Рузвельтом носили несравненно

более доверительный характер, чем связи между советским лидером и Черчиллем.

Определяя действительный характер отношений Сталина с его партнерами по Большой тройке, надо учитывать, что Рузвельт и Черчилль в своих публичных выступлениях, давая оценку советскому лидеру, безусловно, принимали во внимание союзнические отношения с СССР. Это вносило определенные коррективы в их заявления о роли и месте советского лидера в антигитлеровской коалиции.

Несомненный интерес в связи с этим представляют те оценки Сталина, которые Рузвельт и Черчилль давали в кругу своих родных и близких.

Сын президента Джеймс Рузвельт в своих мемуарах писал: «Я думаю, что президент считал, что он мог справиться со Сталиным и Черчиллем лучше чем кто-либо другой... Я думаю, что он считал, что если их предоставить самим себе, то это привело бы к войне между Британией и Россией».

Мягко выражаясь, это была субъективная точка зрения. Сталин был не из тех лидеров, которые безропотно подчинялись кому бы то ни было, в том числе и президенту США.

Да и Черчилль был не из робкого десятка. Даже будучи младшим партнером в англо-американском тандеме, он обладал достаточным политическим весом и силой характера, чтобы позволить Рузвельту открыто повелевать собой.

Трудно согласиться с точкой зрения Джеймса Рузвельта, что между Сталиным и Черчиллем были столь напряженные отношения, что они могли перерасти в войну Англии с СССР.

К чести всех членов Большой тройки надо отметить, что они были достаточно мудрыми государственными деятелями и гибкими политиками, чтобы не допустить перерастания объективных и субъективных противоречий союзников в открытый разрыв отношений и тем более в войну между главными участниками антигитлеровской коалиции.

«Отец и Черчилль, — писал Джеймс Рузвельт, — всегда, имея в виду Сталина, называли его «дядюшка Джо», как бы предполагая, что он был вырождением в их семье. Вначале они не думали, что с ним будет так трудно работать. Однако по прошествии времени и по мере втягивания США в войну они выяснили, что он более труден для общения, чем они предполагали. Я помню, что отец говорил: «Дядюшка Джо более резок и тверд, чем я ду-

мал» ... Он был упорен в своих требованиях, и с ним трудно было вести переговоры».

Очевидно, Джеймс Рузвельт высказывал свою собственную точку зрения, почему президент и Черчилль называли между собой Сталина «дядюшка Джо». Если они хотели этим подчеркнуть, что Сталин по своим идеологическим, политическим и другим причинам был «выродком» в Большой тройке, то вряд ли Рузвельт и Черчилль дошли бы до такого цинизма, чтобы лично, как они это сделали при встрече со Сталиным, сообщить ему о том, как они его называли между собой.

На мой взгляд, это была шутливая, без какого-либо желания обидеть Сталина, манера говорить о своем упрямом, трудном, но все же партнере, союзнике по Большой тройке, который к тому же нес основное бремя борьбы с общим врагом.

В чем Джеймс Рузвельт был, бесспорно, прав, так это в том, что со Сталиным, действительно, трудно было вести переговоры. Советский лидер твердо и жестко отстаивал государственные интересы СССР не только в переговорах с Рузвельтом, но и со всеми союзниками.

Сын президента был прав, когда он писал о том, что «отец всегда чувствовал, что именно он спланивал Большую тройку». Рузвельт, действительно, нередко был чем-то вроде арбитра в спорах между Сталиным и Черчиллем. И эта позиция, как президент говорил другому своему сыну Эллиоту, давала Рузвельту немалые преимущества.

Джеймс Рузвельт отмечал, что посредническая миссия президента в рамках Большой тройки давалась ему нелегко. «Отец болел, а они (Сталин и Черчилль. — *Р. И.*) были железными людьми». Джеймс писал, что президент мог выпить от случая к случаю и очень немного, а Черчилль и Сталин выпивали основательно, что же касается Уинни (Черчилля. — *Р. И.*), то он постоянно курил сигары». Сын президента писал о том, что отец привык рано ложиться и рано вставать, а Черчилль со Сталиным могли просиживать ночи до утра. «Я помню, — отмечал Джеймс, — как однажды отец сказал почти пророчески: «Эти ночные бдения, в конце концов, доведут меня до могилы».

Пресса союзных стран публиковала многочисленные материалы, прогнозируя сроки открытия второго фронта.

Канадская газета «Ванкувер сан» 22 сентября 1943 г. в передовой статье, посвященной предстоящей встрече Сталина, Чер-

чилля и Рузвельта, писала, что решающие бои против Германии англичане и американцы начнут только после зимы. По мнению газеты, это подтверждалось последними речами Черчилля и руководителя американского генерального штаба Маршалла.

«Ванкувер сан» считала, что обе эти речи подтверждали мнение, что будет еще один год войны.

В том же номере «Ванкувер сан» была опубликована статья обозревателя этой газеты Элмора Филпотта «Друзья Рузвельта не проявляют любви к Сталину». Автор цитировал антисоветские статьи стоявших близко к Рузвельту журналистов Эрнеста Линдлея и Формста Дэвиса.

Как видно из этой публикации, и после Сталинградской битвы поток антисоветских, антисталинских публикаций в прессе союзных стран не прекращался. Причем статьи антисоветского содержания публиковались и в изданиях, близких к руководству этих стран.

Перенос сроков открытия второго фронта принял настолько вызывающий характер, что печать союзных стран не могла больше уклоняться от обсуждения обвинений, которые звучали в адрес союзников из Москвы.

Канадская газета «Ле Деуар», специализировавшаяся на антисоветских, а зачастую и на откровенно антисталинских выступлениях, заявляла: «На протяжении двух лет советская Россия требует от западных держав открытия второго фронта на Европейском континенте... Сталин и его коллеги продолжают думать, что союзники не желают скорого поражения Гитлера. Они полагают, что Англия и США способствуют, в сущности, войне на истощение между Советским Союзом и Германией, рассчитывая на взаимное истребление двух противников, после чего им нечего будет бояться большевизации Германии и соседних государств».

В конце статьи звучал призыв к проведению именно такой политики союзников по отношению к Советскому Союзу: «Мы не думаем, чтобы это было в наших интересах — идти на жертвы и добиться победы, после которой нам снова пришлось бы сражаться против России и ее большевистских сателлитов за сохранение наших демократических прав... Если в послевоенном устройстве будет преобладать русская политика, то мы рискуем в недалеком будущем снова быть брошенными в такую же ужасную катастрофу, какую мы переживаем в последние четыре года».

Конечно, в союзных с СССР странах существовала свобода печати, и пресса различной политической ориентации трактовала проблемы открытия второго фронта так, как она их воспринимала. Но показательно, что руководители союзных государств в своей переписке со Сталиным и в публичных выступлениях только оправдывали свою позицию, объясняли причины срыва сроков открытия второго фронта, но не выступали с опровержением заявлений, подобных утверждениям газеты «Ле Деуар».

Канада была активным участником войны, и естественно, что все проблемы, волновавшие общественность США и Англии, находили живой отклик и в этой стране, в том числе и проблема второго фронта.

31 августа 1943 г. Черчилль выступил в г. Квебеке (Канада) с речью по радио. Эта речь транслировалась по всей стране, а вечером передавалась ее запись. Канадские газеты опубликовали пространные отчеты о речи Черчилля, и многие из них поместили полный текст выступления премьер-министра Великобритании.

В отношении открытия второго фронта в Европе газеты цитировали и пересказывали заявление Черчилля о том, что он не упрекает Советский Союз за требование немедленного открытия второго фронта и что такой фронт будет открыт.

«Оттава джорнэл» от 1 сентября 1943 г. отмечала: «Черчилль не порицает Россию за такое требование. Вполне резонно, что она должна требовать его (второго фронта). Черчилль, при всем своем пылком восхищении Россией, не забыл о своей собственной стране. Под руководством Сталина, заявил Черчилль, и благодаря также стойкости британского народа, когда он был один, Россия нанесла смертельный удар немецкой военной машине».

Вопрос о сроках открытия второго фронта не только назрел, но и перезрел. Это было ясно и Рузвельту, и Черчиллю. Президент осенью 1943 г. говорил своему сыну полковнику Эллиоту Рузвельту: «...Если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится».

В союзных странах антисоветски настроенные газеты и журналы, оправдывая срыв сроков открытия второго фронта, заявляли, что не исключена возможность того, что Сталин после освобождения советской территории пойдет на заключение сепаратного мирного договора с Германией. Если такая перспектива реальна, то есть ли смысл открывать второй фронт?

Подобные провокационные выступления вызывали резкий отпор со стороны просоветски настроенных кругов союзных стран.

Канадская газета «Оттава джорнэл» в передовой статье от 25 августа 1943 г. писала: «Согласно высказываниям некоторых наших “мыльных” радиокомментаторов этот человек (И. В. Сталин) собирается заключить мир с Германией. Иосиф Сталин не святой. Он не воюет и никогда не претендовал на то, что воюет ради спасения демократических стран. Но Иосиф Сталин великий воин, великий русский патриот, сражающийся за свою землю и свою родину, и нет оснований подозревать его в том, что он вложит в ножны меч до того, пока не будет уничтожен последний немец на русской земле».

Сталинградская и Курская битвы со всей убедительностью доказали, что Советский Союз в состоянии и без второго фронта разбить гитлеровскую Германию. Например, такой авторитетный эксперт, как посол США в СССР А. Гарриман, полагал, что «Советский Союз мог выиграть войну и без помощи союзников». Другой, конечно, вопрос, какова была бы цена этой победы и как скоро она бы пришла.

Успешные операции Красной Армии на советско-германском фронте ставили вопросы: что дальше? возможно ли впредь мирное сосуществование двух антиподов, капитализма и коммунизма? По какому пути пойдет мир после окончания Второй мировой войны?

<...>

10 февраля 1943 г. Черчилль писал Рузвельту: «Мне кажется, что благодаря усилиям русских складывается совершенно новая ситуация».

Для обсуждения этой новой ситуации необходима была встреча Большой тройки. И не случайно именно в первой половине 1943 г. начинается интенсивный обмен мнениями между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем по вопросам, связанным с этой встречей.

Разгром немцев под Сталинградом внес коренной перелом не только в ход военных действий на фронтах Второй мировой войны. Трудно переоценить политические последствия Сталинградской битвы, в частности, ее влияние на отношения между членами Большой тройки, на ориентацию прессы стран антигитлеровской коалиции.

Советское дипломатическое представительство в Канаде в обзоре канадской прессы за август — октябрь 1943 г. писало, что

во время Квебекской конференции* английский министр информации заявил, что на Конференции рассматриваются вопросы, связанные с быстрой победой над Германией и Японией. При этом он подчеркнул, что первой на очереди стоит Германия. Характерно, что осенью и зимой прошлого года канадская пресса, как правило, поддерживала выступления враждебных СССР американских газет о том, что нельзя войну с Японией отодвигать на второй план и что для борьбы с этой страной нужно, чтобы СССР открыл второй фронт против нее или предоставил союзникам необходимые базы. «После Квебекской конференции, — говорилось в обзоре, — произошла перемена. Подобная пропаганда не только не находит поддержку в канадской печати, а наоборот, встречает осуждение».

После Сталинградской и Курской битв стала очевидна необходимость форсировать усилия союзников по открытию второго фронта. Наметились и внешние признаки того, что проблема второго фронта наконец-то сдвинулась с мертвой точки. Одним из таких признаков явилось изменение в составе английского правительства, в него вновь вошел Бивербрук, убежденный сторонник открытия второго фронта.

Это назначение приветствовала пресса Канады. Монреальская «Газетт» 27 сентября 1943 г. в передовой статье писала, что Бивербрук является «известным другом России. Он стоит за сотрудничество с СССР как во время войны, так и после нее».

<...>

На Тегеранской конференции Черчилля ждали серьезные разочарования. Сталин явно перехватывал инициативу с самого начала работы Конференции. Сославшись на данные советской

* Встреча Рузвельта и Черчилля в г. Квебеке, Канада 14–24 августа 1943 г., на которой было подтверждено ранее принятое решение об очередном переносе сроков открытия второго фронта. Участники Конференции согласовали планы англо-американских военных операций на вторую половину 1943 г., в частности, о вторжении в Италию через Сицилийский пролив. В ходе Конференции было заключено секретное соглашение об англо-американском сотрудничестве в создании атомной бомбы. Рузвельт и Черчилль встретились в Квебеке для предоставления правительствам СССР и Китая текста декларации четырех держав — Англии, Китая, СССР и США о создании Организации Объединенных Наций. Во время Конференции в Квебеке Рузвельт и Черчилль в принципе согласовали с правительством СССР вопрос об организации в ближайшем будущем в Москве встречи министров иностранных дел СССР, США и Англии.

разведки, он заявил, что немецкая агентура готовит покушение на Большую тройку, и предложил Рузвельту переехать на территорию советского посольства. Предложение было разумным, так как посольство США находилось на расстоянии 1,5 км от советского посольства, где проходили заседания Конференции. Ежедневные разъезды взад-вперед по улицам Тегерана могли поставить под угрозу жизнь президента.

Решение Рузвельта было тем более обидным для Черчилля, что ранее сделанное им предложение Рузвельту переехать в английское посольство, находившееся рядом с советским, было президентом отклонено.

Переезд Рузвельта в советское посольство был первой крупной победой Сталина. «Конференция закончилась, не успев начаться. Сталин засунул президента к себе в карман». Эти слова принадлежали сэру Алану Бруку, начальнику Имперского генерального штаба Великобритании. Он произнес их перед завершением первого дня Тегеранской конференции».

Переезд Рузвельта в посольство СССР был только началом неприятностей для Черчилля. Рузвельт поставил на Конференции вопрос о необходимости решения после войны колониальной проблемы. Для Черчилля эта инициатива президента была сколь неожиданна, столь и неприятна. Премьер-министр заявил в 1942 г.: «Я не для того стал первым министром короля, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи».

Вопрос о ликвидации империи пока еще не стоял, но покушение на ее основы было очевидным.

Неприятности на этом не кончились. На утро второго дня работы Конференции Черчилль пригласил Рузвельта разделить с ним завтрак. Президент категорически отклонил предложение, посчитав, что это будет антисталинской демонстрацией перед важнейшим этапом встречи. Рузвельт пошел еще дальше: он принял в этот же день предложение Сталина и Молотова обсудить на советско-американской встрече, без Черчилля, важнейшие проблемы послевоенного устройства мира.

Каждый новый день работы Конференции преподносил премьер-министру новые сюрпризы. Не было исключением и день его рождения, 30 ноября. Премьер-министр услышал в этот день много приятных, лестных слов и от Сталина, и от Рузвельта. Но решения, принятые в этот день, вряд ли вызвали у юбиляра энтузиазм. 30 ноября от имени трех руководителей Рузвельт объ-

явил: «Операция “Оверлорд” намечается на май 1944 года». Еще за два дня до этого, 28 ноября, на заседании глав правительств Черчилль отстаивал свое предложение о начале десантной операции во Франции в другие сроки.

Твердое решение по вопросу об «Оверлорде», принятое в Тегеране, прозвучало как похоронный марш по идее Черчилля нанести удар «по мягкому подбрюшью» Южной Европы. Это была стратегия, которой премьер придерживался не первый год.

В день рождения Черчилля была поставлена еще одна проблема, отнюдь не прибавившая оптимизма премьер-министру. Молотов на заседании министров иностранных дел и специального помощника президента США Г. Гопкинса вернулся к вопросу, который Сталин 29 ноября обсуждал с Рузвельтом. Суть проблемы сводилась к тому, что СССР, США и Англия «должны позаботиться о том, чтобы основные стратегические пункты находились под контролем союзников».

Над Британской империей, как с гордостью говорили английские колонизаторы, никогда не заходило солнце. И под контролем англичан находилось очень много стратегических пунктов — Гибралтар, Суэцкий канал, Сингапур и др. Делиться с союзниками контролем над этими важнейшими объектами Черчилль желанием не горел.

Излагая Сталину свои планы решения колониальных проблем, в частности в Индии, Рузвельт сказал, что «реформы в Индии надо начинать снизу». Сталин заметил: «Реформы снизу будут означать революцию».

Отношения между двумя лидерами быстро налаживались. «Вопреки своим ожиданиям Сталин выяснил, что президент располагает к себе и с ним легко говорить».

Между Сталиным и Рузвельтом четко наметил ось сближение точек зрения не только по вопросу об «Оверлорде», но и по германской проблеме и в чисто человеческом плане.

Три лидера встретились в Тегеране в напряженный момент в отношениях между союзниками: бесконечно затягивалось открытие второго фронта, срывались военные поставки союзников СССР.

В связи с этим настроение у Сталина было далеко не праздничным. Президент вспоминал, что, видя советского лидера мрачным, он начал проходиться по поводу Черчилля, его сигар, привычек. «Уинстон, — рассказывал Рузвельт, — стал красным,

и чем больше он становился таковым, тем больше Сталин смеялся. Наконец, Сталин разразился глубоким и глухим смехом, и впервые за три дня я увидел свет» — так рассказывал президент о своих отношениях со Сталиным и Черчиллем. «В этот день он (Сталин. — Р. И.) смеялся и подошел ко мне и пожал мне руку. С этого времени мы наладили личные отношения. Лед тронулся...»

Английский историк, излагая этот рассказ Рузвельта, писал, что президент сказал: «Мы начали говорить как мужчины, как братья». Черчилль все прекрасно понимал. На его глазах в ходе работы Тегеранской конференции⁵ шел быстрый процесс перегруппировки политических и дипломатических сил мирового масштаба. СССР и США играли все большую роль в борьбе с блоком агрессивных держав⁶, что находило свое отражение и в личных отношениях между Сталиным и Рузвельтом.

С грустным юмором Черчилль вскоре вспоминал Тегеранскую конференцию: «...Впервые в жизни я понял, какая мы маленькая нация. Я сидел с огромным русским медведем по одну сторону от меня и с огромным американским бизоном по другую; между этими двумя гигантами сидел маленький английский осел».

Черчилль был блестящий дипломат, лидер мощного, напористого характера — и он не собирался играть жалкую, покорную роль обреченного осла, которого могли раздавить и русский медведь, и американский бизон.

Он много конфликтовал с союзниками, и не только с советскими, но и с американскими, с лидером сражающейся Франции генералом де Голлем. Премьер вспоминал, что во время войны он нес много крестов, но «самым тяжелым был Лотарингский крест» — эмблема сражающейся Франции. Однако у Черчилля было достаточно здравого смысла, чтобы в конце концов прийти к заключению: «...Единственное, что хуже войны с союзниками, это война без союзников!». В конечном счете по большинству принципиальных вопросов он находил компромисс и со Сталиным, и с Рузвельтом, и с де Голлем.

Дебаты между Сталиным и Черчиллем были очень резкими, и главным камнем преткновения был вопрос о сроках открытия второго фронта. Черчилль всячески затягивал решение этого вопроса, уклонялся от прямого вопроса Сталина, когда будет осуществлена высадка во Франции. Дело приняло столь угрожающий характер, что Сталин встал и сказал Молотову и Воро-

шилову⁷: «У нас слишком много дел дома, чтобы здесь тратить время. Ничего путного, как я вижу, не получается...

Черчилль в замешательстве, боясь, что Конференция может быть сорвана, заявил:

— Маршал неверно меня понял. Точную дату можно назвать — май сорок четвертого...»

<...>

Исключительно высоко оценивал летнее наступление Красной Армии Черчилль. Он писал, что летняя кампания Красной Армии дала блестящие результаты.

В октябре Красная Армия разгромила немецкие и венгерские войска между Тиссой и Дунаем. 20 января 1945 г. было подписано соглашение о перемирии между союзными государствами и Венгрией.

Сталин информировал в Тегеране Рузвельта и Черчилля о том, что Красная Армия поддержит высадку союзников во Франции мощными наступательными операциями на советско-германском фронте. И это обещание последовательно претворялось в жизнь.

Успешные действия Красной Армии создали совершенно новую расстановку не только военных, но и политических сил.

Общественность союзных стран не была информирована о деталях соглашения, достигнутого в Тегеране относительно сроков и масштабов англо-американской операции по открытию второго фронта.

Поэтому англичан и американцев во всевозрастающей степени беспокоил вопрос о реакции Советского Союза на срыв сроков открытия второго фронта. Это беспокойство было оправданным, т. к. и после операции союзников в Северной Африке⁸ подавляющее большинство немецких дивизий по-прежнему оставалось на советско-германском фронте. Американская газета писала, что «русские вносили особенно большой вклад в окончательную победу, убивая немцев, которые бы, оставшись в живых, убивали бы американцев и британцев».

<...>

Второй фронт все еще не был открыт, и Черчиллю не оставалось ничего другого, как возносить хвалу Красной Армии и ее Главнокомандующему.

26 марта 1944 года ТАСС⁹ сообщил из Лондона, что в своей речи по радио премьер-министр заявил, что английский и аме-

риканский народы полны искреннего восхищения по поводу военных триумфов русского народа. Я, говорил Черчилль, неоднократно воздавал должное его великолепным деяниям, и сейчас я должен сказать вам, что продвижение их армий от Сталинграда до Днестра, когда русские уже подходят к Пруту, покрыв за один год расстояние в 900 миль, представляет собой величайшую причину краха Гитлера.

С тех пор, как я обращался к вам в последний раз, продолжал премьер-министр, захватчики-гунны не только изгнаны с опустошенной ими земли, но дух германской армии в значительной мере сломлен благодаря русской доблести и военному руководству.

Черчилль произнес настоящую здравицу в честь Сталина: «Народам России повезло, — сказал премьер-министр, — что в час своего величайшего и серьезнейшего испытания они нашли воина и вождя маршала Сталина, авторитет которого позволил ему координировать и контролировать движение армий, численность которых определялась миллионами, на фронте протяженностью почти в 2 тысячи миль и обеспечивать единство и согласованность военного руководства, что было весьма ценно для Советской России и для всех ее союзников.

Многочисленные внешние признаки свидетельствовали о том, что открытие второго фронта приближается.

<...>

К концу войны, с одной стороны, усилилась координация военно-политической деятельности между СССР и его партнерами по антигитлеровской коалиции. С другой — все более отчетливо проявлялось различие взглядов и интересов союзников в вопросах о том, как поступить с побежденным противником, какую политику проводить в освобожденных странах, как обеспечить мир и безопасность в новом, послевоенном мире.

Весь этот комплекс противоречий между союзниками нашел свое отражение в контактах между общественными организациями союзных стран, в средствах массовой информации, в отношениях между главными лидерами антигитлеровской коалиции — Сталиным, Рузвельтом, Черчиллем.

Однако особый интерес для выявления специфики межсоюзнических отношений имеют, конечно, дипломатические документы. Ценность этого источника определяется тем, что в этих документах отсутствовал пропагандистский элемент. В них давалась достоверная информация, необходимая для того, чтобы проводить

взвешенный, практически обоснованный политический курс по отношению к своему партнеру по антигитлеровской коалиции.

Дипломатические источники свидетельствовали о том, что по мере приближения конца войны все более возрастали противоречия между СССР и союзными странами, что не могло не наложить определенного негативного отпечатка и на контакты Сталина с Черчиллем и Рузвельтом.

В меморандуме, подготовленном 2 февраля 1944 г. Чарлзом Боленом, подчеркивалось: «Важнейшая проблема в наших отношениях с Советским Союзом в настоящее время — это советско-польский спор».

В меморандуме отмечалось, что «главная проблема в настоящее время — продолжение контактов между советским и польским правительствами, которые следует рассматривать как отношения между независимыми государствами... дающие возможность соответствующего урегулирования территориального спора, включающего вопрос о восточных границах Польши». Ведущий специалист по советско-американским проблемам следующим образом определял роль и место Соединенных Штатов в конфликте между СССР и Польшей: «Наша главная задача — не допустить перерастания этого конфликта в стадию, которая подвергнет опасности недавно установившееся согласие между Великобританией, Соединенными Штатами и Советским Союзом».

Союзные страны сталкивались с немалыми трудностями при реализации своего политического курса в Польше и в других европейских странах, освобожденных Красной Армией от фашистских оккупантов. О причинах этих трудностей со всей откровенностью говорилось в другом меморандуме, подготовленном Чарлзом Боленом 25 марта 1944 г. В документе отмечалось, что «определяющее настроение народов Европы — четкое нежелание реставрировать политические и социальные порядки, существовавшие здесь перед войной». Во всех оккупированных немцами странах, писал Болен, развертывалось движение Сопротивления, руководимое коммунистическими партиями. «В настоящий момент, — констатировал Болен, — единственным правительством, которое использует господствующие в этих странах настроения за прогрессивное социальное развитие, является советское правительство, имеющее поддержку коммунистических партий (европейских стран. — *Р. И.*)».

Болен подчеркивал: «Советское правительство изображается как единственное из всех правительств, заинтересованное в содействии социальному прогрессу и демократии». Что же касается США и Великобритании, то мнение Болена было безапелляционным: «Правительства США и Великобритании представляются как поддерживающие реакцию, и не упускается ни одна возможность, чтобы подчеркнуть, что политика этих правительств сводится к восстановлению старой системы специальных привилегий и экономической реакции».

Во время личных встреч Большой тройки в Тегеране и в Крыму, в переписке со Сталиным Черчилль и Рузвельт упрекали советского руководителя в том, что он стремится навязать освобожденным Красной Армией странам советские, коммунистические порядки. Аналогична была и позиция консервативной прессы союзных стран. Рассмотренные меморандумы Ч. Болена свидетельствуют о том, что Рузвельт (в не меньшей степени и Черчилль) был прекрасно информирован о том, что в европейских странах развивались мощные социальные процессы левого содержания и ориентации. Сталин мог поддержать развитие этих процессов, что он и делал в меру своих сил и возможностей, но ни в коей мере не способствовать их возникновению.

Польская проблема была настоящим камнем преткновения в отношениях Советского Союза и с Англией, и с США.

На эти отношения тяжелым грузом давил советско-германский пакт 1939 г., секретные протоколы к этому документу. Положение резко обострилось после того, как немецкая пропаганда опубликовала сообщение о том, что перед войной в Катыни органами НКВД без суда и следствия была расстреляна большая группа интернированных в СССР польских офицеров. Советское правительство отрицало свою причастность к факту расстрела поляков и заявило, что это дело рук немецких спецслужб.

Аргументы Кремля не убедили руководителей польского правительства в Лондоне, которые выступили с серией резких заявлений против советского правительства. Дело приняло столь серьезный оборот, что 25 апреля 1943 г. Советский Союз разорвал дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством в Лондоне.

Польский вопрос занял важное место в переговорах Сталина с Черчиллем и Рузвельтом в Тегеране.

Премьер-министр вспоминал в мемуарах, что он заявил Сталину в Тегеране, что Англия начала войну из-за Польши и эта страна имеет для англичан большое значение. Черчилль сказал, что необходимо пересмотреть польские границы за счет Германии. «Лично я считаю, — писал Черчилль, — что Польша может продвинуться на запад, подобно солдатам, по команде “два шага влево”. Если Польша при этом наступит кое-где на ногу Германии, то ничего не поделаешь, но сильная Польша необходима. Польша является инструментом, необходимым для европейского оркестра».

В разговоре о судьбе Польши принимал участие Иден. Обращаясь к нему, «Сталин спросил, — писал Черчилль, — не думаем ли мы, что он собирается проглотить Польшу». На вопрос советского руководителя «Иден ответил, что он не знает, сколько Россия собирается съесть, а сколько она оставит непереваренным. Сталин сказал, что русские не хотят ничего, что принадлежит другому народу, хотя они, возможно, откусят что-нибудь у Германии».

На Конференции в Тегеране Сталин четко определил позицию Советского Союза по польскому вопросу: «Я должен сказать, что Россия не меньше, а больше других держав заинтересована в хороших отношениях с Польшей, так как Польша является соседом России». Сталин занял очень жесткую позицию в отношении польского эмигрантского правительства: «Мы — за восстановление, за усиление Польши, но мы отделяем Польшу от эмигрантского польского правительства в Лондоне».

В Тегеране во время обсуждения вопроса о польских границах участники Конференции договорились взять за основу этих границ так называемую линию Керзона. Лорд Д. Керзон, министр иностранных дел Великобритании в 1919–1924 гг., от имени Антанты в 1919 г. определил восточную границу Польши.

Позднее в переписке со Сталиным Черчилль пересмотрел свое отношение к линии Керзона, что привело к резкому обострению его отношений с советским руководителем.

23 марта 1944 г. Сталин писал Черчиллю, что в одном из его посланий требование СССР признать линию Керзона премьер-министр квалифицировал как политику силы. «Не могу не напомнить, что в Тегеране, — писал Сталин, — Вы, президент и я договорились о правомерности линии Керзона. Позицию Советского Правительства в этом вопросе Вы считали тогда совершенно правильной, а представителей эмигрантского польского

правительства Вы называли сумасшедшими, если они откажутся принять линию Керзона. Теперь же Вы отстаиваете нечто прямо противоположное».

Черчилль был обескуражен столь резким тоном послания Сталина. 1 апреля 1944 г. он писал Рузвельту: «По мнению военного кабинета, нет особого смысла продолжать личную переписку по данному вопросу в настоящее время, поскольку он (Сталин. — *Р. И.*) решил проявлять недовольство и затеять ссору по всякому поводу».

Отказ Черчилля продолжать дебаты со Сталиным по польскому вопросу был вызван, на мой взгляд, не только тем, что премьер-министр исчерпал все аргументы в споре по этой проблеме с советским руководителем.

Противоречия в Большой тройке по польскому вопросу приняли столь резкий характер, что продолжение дискуссии грозило нанести непоправимый ущерб делу антигитлеровской коалиции. Черчилль был прав: надо было взять паузу в дебатах по польской проблеме, так как Сталин занял крайне жесткую позицию, не хотел уступать и премьер-министр Великобритании.

Рузвельт занимал более взвешенную позицию по польскому вопросу. 7 февраля 1944 г. он пытался сдержать, яростное стремление Черчилля пойти на открытый конфликт со Сталиным. «Не существует ли возможности, — писал президент, — что формулировки § 7 и 8 создадут у него (Сталина. — *Р. И.*) впечатление, что Вы неразрывно связаны с нынешними членами польского правительства в изгнании и решительно настаиваете на том, чтобы они были восстановлены в качестве будущего правительства Польши?».

Не без оснований президент считал, что такая позиция Черчилля будет воспринята в Москве как враждебный акт. Рузвельт продолжал: «Он (Сталин. — *Р. И.*) может истолковать это как доказательство замысла с Вашей стороны иметь у границ Советского Союза правительство, которое они, справедливо или ошибочно, считают содержащим элементы, безоговорочно враждебные Советскому Союзу».

Черчилль понимал необоснованность своей позиции в споре со Сталиным по польскому вопросу, не желал он и предавать гласности спор, возникший с советским руководителем.

Во всяком случае, выступая 22 февраля 1944 г. в палате общин, он давал уже совершенно иную интерпретацию своей договоренности со Сталиным по польской проблеме.

«Я, — говорил Черчилль, — воспользовался случаем (на Тегеранской конференции. — *Р. И.*), чтобы лично поставить перед Маршалом Сталиным вопрос о будущем Польши. Я указал, что во исполнение нашей гарантии, данной Польше, Великобритания объявила войну нацистской Германии, что наша решимость не ослабела даже в тот период, когда мы были совершенно одни, и что судьба польской нации занимает первое место в политическом мышлении Правительства Его Величества и британского Парламента».

Тот факт, что Англия объявила войну Германии из-за Польши, играл важную роль в определении курса Великобритании в отношении этой страны. Однако не меньшее значение имело и стратегическое расположение Польши между Германией и Советским Союзом. На Московской и Тегеранской конференциях в деталях обсуждалось послевоенное устройство Германии, в ходе которого было очевидно, что войска трех держав примут участие в ее оккупации.

Если бы Англии и США удалось установить в Польше режим, ориентирующийся на эти страны, советские войска были бы отрезаны в Германии от советской территории новым «санитарным кордоном».

В важном стратегическом значении Польши была, на мой взгляд, главная причина того, почему между Сталиным, с одной стороны, Черчиллем и Рузвельтом — с другой шли столь интенсивные дебаты за будущее этой страны.

«Мы с Маршалом Сталиным также согласились, — говорил Черчилль в речи 22 февраля 1944 г., — насчет необходимости для Польши получить компенсацию за счет Германии как на Севере, так и на Западе».

Против того, что Польше необходимо получить территориальную компенсацию за счет Германии, не возражали ни Черчилль, ни Сталин. Объяснялось это тем, что каждый из них надеялся решить польскую проблему в нужном для себя плане, и усиление Польши за счет Германии не противоречило этим планам. На протяжении всего периода войны после Тегеранской конференции между Сталиным, с одной стороны, Черчиллем и Рузвельтом — с другой шли ожесточенные дебаты по вопросу о составе будущего польского правительства, о границах Польши. По существу речь шла о том, на кого будет ориентироваться новая Польша — на Советский Союз или на Англию и США.

Определяя свое отношение к польской проблеме, Рузвельт не мог не учитывать, что голоса нескольких миллионов американских поляков могли сыграть решающую роль на предстоящих 7 ноября 1944 г. очередных выборах президента США.

Не мог Рузвельт игнорировать и точку зрения Черчилля, который делал ставку на то, чтобы навязать Польше открыто антисоветское эмигрантское правительство, окопавшееся в Лондоне.

В противоречиях Сталина с союзниками по польскому вопросу был определен пропагандистский элемент. Американцы и англичане высадились в Италии, советские войска начали в 1944 г. освобождать восточноевропейские страны, оккупированные немцами.

И СССР, и его западные союзники были заинтересованы в том, чтобы получить активную поддержку со стороны общественности освобождаемых стран, создать в них режимы, занимающие благоприятную позицию по отношению к стране, войска которой вступили на территорию данного государства.

В период освобождения Польши развернулась тяжелая политическая борьба за широкие народные массы этой страны между эмигрантским правительством, поддерживаемым Англией и США, и Временным правительством Польши, сформированным в Люблине. Это правительство имело всемерную поддержку со стороны Советского Союза.

В начавшейся борьбе активно участвовала советская общественность. В те дни Всеславянский комитет в Москве опубликовал обращение к полякам. В нем говорилось: «Дорогие друзья! Летом 1942 г. гитлеровские армии вели наступление на Сталинград, и советский народ переживал самый тяжелый период Отечественной войны. В это время сформированные на территории Советского Союза дивизии польской армии Андерса, вместо того чтобы вступить в бой, по приказу польского эмиграционного лондонского правительства отказались драться с врагом и ушли в Иран, чтобы отсюда наблюдать, как предполагал Андерс, гибель Красной Армии.

Отказ армии Андерса... облегчил наступление Гитлера и вызвал со стороны Красной Армии лишние жертвы...

Большая часть поляков, бывших тогда на территории Советского Союза, не последовала за Андерсом.

...Они создали Союз польских патриотов, который поставил своей целью организацию борьбы за освобождение своей истекающей кровью Родины.

Организация Союза польских патриотов и Польской Армии нашла огромный отклик в оккупированной многострадальной Польше».

На протяжении всего периода участия СССР во Второй мировой войне между Сталиным и союзниками шла упорная борьба за Польшу. Черчилль имел в этой борьбе на своей стороне важного союзника в лице США, которые в целом поддерживали польское эмиграционное правительство в его борьбе за доминирующее влияние в Польше.

На стороне Сталина были серьезные преимущества в борьбе с союзниками за Польшу. Советские вооруженные силы, а не американские или британские, освобождали страну. Сформированные в СССР польские армии придерживались просоветской политической ориентации. В Польше было мощное движение Сопrotивления немецким оккупантам коммунистической ориентации.

Это признавал даже Черчилль, который писал Рузвельту 28 января 1944 г., что «освобождение Польши от германского ига осуществляется главным образом ценой огромных жертв со стороны русских войск». Черчилль был прав: в кровопролитных боях за Польшу советские вооруженные силы потеряли 600 тыс. человек. Вполне резонно премьер-министр полагал: «Поэтому Россия и ее союзники имеют право требовать, чтобы Польша в значительной степени сообразовалась с их мнением в вопросе о границах территории, которую она будет иметь».

Обоснованная постановка вопроса. Правда, в переписке со Сталиным в высказываниях Черчилля, как будет показано ниже, звучали другие мотивы в отношении будущего Польши, что привело к серьезному обострению его отношений со Сталиным. У советского руководителя были не только плюсы, но и серьезные минусы в жесткой дискуссии по польскому вопросу, которая развернулась у него с Черчиллем и Рузвельтом после Тегеранской конференции.

Эмигрантское польское правительство, его союзники в Польше, в США и Англии выжимали максимум возможного из того факта, что осенью 1939 г. советские войска вступили в Польшу. В то время не было известно о трагедии в Катыни, о расстреле силами НКВД польских офицеров на советской территории. Однако были преданы гласности факты массовых арестов поляков советскими властями в Западной Украине и Западной Бело-

руссии, высылки их в отдаленные районы СССР. Все это также входило в пассив советской стороны в борьбе за политическое влияние в Польше.

Все эти факты свидетельствовали о том, что в межсоюзнических отношениях было немало сложных проблем. И это не могло в определенной мере не оказывать отрицательного воздействия на развитие контактов между союзными странами, между Сталиным, Черчиллем и Рузвельтом.

Из истории нельзя вычеркнуть ни Катынь, ни другие факты массовых репрессий советских властей против польского населения. Но в такой же мере нельзя игнорировать и то, что освобождение Польши пришло с Востока, именно советские солдаты и офицеры проливали кровь и жертвовали собой в борьбе за свободу этой страны.

Война внесла серьезные коррективы в общественно-политическую и морально-психологическую жизнь Советского Союза. Перед лицом смертельной угрозы для Родины на ее защиту выступили миллионы тех граждан страны, которые, казалось бы, не имели этому побудительных причин, — родные и близкие репрессированных, священнослужители.

<...>

28 июля 1944 г. союзники начали во Франции мощное наступление, завершившееся тяжелым поражением немецких вооруженных сил. Черчилль явно воспрянул духом. 18 августа 1944 г. он писал Рузвельту: «В результате славных и колоссальных побед, одерживаемых во Франции американскими и британскими войсками, положение в Европе сильно меняется, и вполне возможно, что наши армии добьются в Нормандии победы, значительно превосходящей по масштабам все, что сделали в какой-либо отдельный момент русские».

Премьер-министр явно переоценивал успехи союзного оружия и принижал достижения Красной Армии, которая и после высадки англо-американских войск продолжала борьбу с подавляющим числом немецких дивизий.

В этом же послании Черчилль предлагал Рузвельту использовать успех англо-американских войск во Франции для оказания политического давления на Сталина в связи с восстанием в Варшаве.

По команде польского правительства в Лондоне, без согласования с советским командованием подпольные силы в Варшаве,

ориентировавшиеся на польское правительство в эмиграции, подмяли 1 августа 1944 г. восстание в столице Польши. Политическая цель этой авантюры была очевидна — захватить Варшаву и тем самым создать плацдарм для водворения лондонских поляков в столице страны в качестве польского правительства.

Возникла очень сложная, трагическая ситуация. С одной стороны, оказание помощи восставшим означало внедрение в сердце Польши сил, антисоветская направленность всей деятельности которых была очевидна. С другой — не оказать помощь восставшим значило обречь на уничтожение многие тысячи рядовых повстанцев и граждан Варшавы.

Черчилль и Рузвельт в августе 1944 г. неоднократно обращались к Сталину с настойчивыми просьбами оказать срочную помощь восставшим.

22 августа 1944 г. Сталин ответил Рузвельту и Черчиллю. В послании двум лидерам он писал: «Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди использовали доверчивость варшавян, бросив многих почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию». Сталин заверял Рузвельта и Черчилля, что «Красная Армия не пожалеет усилий, чтобы разбить немцев под Варшавой и освободить Варшаву для поляков. Это будет лучшая и действительная помощь полякам-антинацистам».

В связи с отказом Сталина поддержать просьбу союзников об оказании немедленной и эффективной помощи варшавскому восстанию Черчилль писал Рузвельту 18 августа 1944 г., что отказ Советов разрешить авиации США направить помощь героическим повстанцам в Варшаве наряду с их собственным полным нежеланием доставить по воздуху боеприпасы на расстояние всего лишь в несколько десятков миль — момент, чреватый очень серьезными и далеко идущими последствиями. Если, как это почти не подлежит сомнению, после триумфа немцев в Варшаве начнется массовая бойня, то нет такой меры, которой можно было бы измерить все последствия этого. «Я, — писал Черчилль, — готов послать личную телеграмму Сталину, если Вы сочтете это разумным и если Вы сами пошлете аналогичное послание.

Гораздо лучше двух отдельных посланий было бы совместное послание, подписанное нами обоими. Я не сомневаюсь, что о формулировке мы могли бы договориться».

В связи с варшавским восстанием Черчилль пытался разговаривать со Сталиным языком ультиматума. Подобные попытки были бесполезны даже во время таких трудных для СССР ситуаций, как наступления немцев под Москвой и под Сталинградом. Они были совершенно бесперспективны в августе 1944 г., в период триумфальных побед Красной Армии.

Польский вопрос имел для Черчилля исключительно важное значение, и естественно, что он сделал максимум возможного, чтобы добиться от Сталина если не выполнения своей программы — переселить польское эмигрантское правительство из Лондона в Варшаву, то хотя бы достигнуть какого-то компромиссного решения этой проблемы. Разумеется, в мемуарах Черчилля польская проблематика заняла очень значительное место.

Черчилль приводит в мемуарах текст своего послания Сталину от 4 августа 1944 г., в котором он убеждал Сталина оказать помощь варшавскому восстанию. Сталин ответил Черчиллю незамедлительно. Советский Главнокомандующий писал: «Думаю, что сообщенная Вам информация поляков сильно преувеличена и не внушает доверия... Краевая Армия поляков (поднявшая восстание в Варшаве. — *Р. И.*) состоит из нескольких отрядов, которые неправильно называют дивизиями. У них нет ни артиллерии, ни авиации, ни танков. Я не представляю, как подобные отряды могут взять Варшаву, на оборону которой немцы, выставили четыре танковые дивизии, в том числе дивизию «Герман Геринг»¹⁰.

30 июля 1944 г. в Москву прибыл премьер-министр польского эмиграционного правительства в Лондоне Станислав Миколайчик. Дата его прибытия в Москву была не случайной — 1 августа началось восстание в Варшаве. Надеясь на успех этого восстания, Миколайчик на переговорах со Сталиным и с руководителями Польского комитета национального освобождения (ПКНО), осуществлявшего исполнительную власть в освобожденных Красной Армией районах Польши, потребовал для себя и своих сторонников главных постов в будущем коалиционном правительстве Польши. Подобное решение польской проблемы было неприемлемо ни для ПКНО, ни для советского правительства. Черчилль в деталях рассказывал, как Миколайчик торговался со Сталиным по вопросу о своих позициях. Торговля оказалась бесполезной. «Последняя бесплодная беседа со Сталиным, — писал Черчилль, — состоялась 9 августа.

В интерпретации Черчилля советский Главнокомандующий выглядел хладнокровным, расчетливым политиком, который, добиваясь выгодного ему решения польской проблемы, преднамеренно бросил на произвол судьбы восставших варшавян.

Черчилль приводил в мемуарах свою телеграмму Идену, которую он отправил министру иностранных дел Великобритании 14 августа 1944 г. из Италии, куда он направился посетить английскую армию Александера. В телеграмме говорилось: «Безусловно, весьма любопытно, что в момент, когда восстал подпольная армия, русские армии приостановили свое наступление на Варшаву и отступили на некоторое расстояние».

В действительности войска 1-го и 2-го Белорусских фронтов, действовавшие на Варшавском направлении, наступали с 23 июня и прошли с тяжелыми боями более 500 км, понеся значительные потери. Немедленно перейти в новое наступление ослабленные тяжелыми боями войска не могли.

Изложив эти соображения, автор комментария к соответствующему разделу мемуаров Черчилля А. С. Орлов писал: «Исследование причин, препятствовавших оказанию помощи Варшаве, продолжается».

С конца августа, прекратив наступление на всех других направлениях. Ставка приказала 1-му¹¹ и 2-му¹² Белорусским фронтам пробиться к Варшаве. 14 сентября после тяжелых боев советские войска овладели предместьем Варшавы Прагой. В ночь на 16 сентября советские войска и 1-я Польская армия¹³ форсировали Вислу, но не смогли удержать захваченные на западном берегу реки плацдармы. Пробиться к повстанцам не удалось. 2 октября 1944 г. восстание было подавлено.

О попытках Красной Армии прорваться к восставшим, отражающих действительное отношение советского командования, лично Сталина к восстанию в Варшаве, Черчилль ничего не упоминает.

Однако он не жалел красок, описывая руководителей ПКНО и позицию Сталина по вопросу формирования польского правительства. Эта проблема в деталях обсуждалась в Москве 13 октября, куда Черчилль прибыл для обсуждения со Сталиным ряда важных военных и политических проблем и где присутствовал также Миколайчик. Черчилль вспоминал: «Скоро стало ясно, что люблинские поляки — просто пешки России. Они так тщательно выучили и затвердили свою роль, что даже их хозяйева, видимо,

считали, что они перерабатывают». В подтверждение своей оценки Черчилль приводил заявление руководителя ПКНО Болеслава Берута: «Мы явились сюда с целью потребовать от имени Польши, чтобы Львов принадлежал России. Такова воля польского народа». Когда эти слова перевели с польского на английский и русский языки, я взглянул на Сталина и увидел промелькнувшее в его выразительных глазах понимание, как если бы он хотел спросить: «Ну, что вы скажете о нашей советской выучке?» Столь же резко негативную оценку Черчилль давал выступлению и другого польского руководителя Осубка-Моравского.

Сталин обладал достаточным чувством меры и чувством юмора, чтобы не восторгаться заявлением Берута о Львове, если эти слова и были сказаны. Черчилль в данном случае явно пытался представить советского лидера как примитивного политика, не проявившего адекватной реакции на это заявление руководителя ПКНО.

Черчилль писал мемуары спустя достаточно много лет после этой дискуссии со Сталиным по вопросу о составе польского правительства, но он все еще не мог скрыть своего резкого раздражения и против руководителей ПКНО, и против Сталина. Возвращаясь к оценке Берута и Осубка-Моравского, Черчилль писал: «...я сказал Сталину», что они были «лишь выразителями советской воли»... своего рода Квислингами». Миколайчик и другие польские министры-эмигранты, очевидно, были для Черчилля воплощением демократии, интеллигентности и порядочности.

Все это были пока еще авангардные бои между Сталиным и Черчиллем по польскому вопросу. Впереди были настоящие политические, сражения по этой проблеме, в частности, на Крымской конференции, при решении вопроса о том, кому представлять Польшу в ООН, на Потсдамской конференции¹⁴ и по другим вопросам, связанным с польской проблемой.

<...>

Первая встреча Джиласа¹⁵ со Сталиным состоялась в Кремле. Очевидно, Сталин остался доволен своим югославским гостем, так как на следующий раз он пригласил его на обед на дачу в Кунцево. Это был знак особого расположения — на такие встречи Сталин приглашал только самых близких своих соратников. Речь зашла об отношениях югославов с союзниками, прежде всего с англичанами.

«Сущность предложений Сталина заключалась, с одной стороны, в том, что мы не должны “запугивать”» англичан, под этим

он подразумевал необходимость избегать всего того, что могло бы обеспокоить их и заставить подумать, что в Югославии происходит революция и коммунисты пытаются установить свой контроль над ней. «Что Вы хотите доказать красными звездочками на ваших фуражках? Важна не форма, а то, что достигается, а вы — красные звездочки! Ей-богу, звездочки никому не нужны!» — сердито воскликнул Сталин».

Я объяснил ему: «Нельзя прекратить ношение красных звездочек потому, что они уже стали традиционными и приобрели определенный смысл среди наших бойцов».

Отстаивая свою позицию, но без чрезмерной настойчивости, он перешел к отношениям с западными союзниками, но в другом аспекте, и продолжал: «Может быть, вы думаете, что раз мы союзники с англичанами, мы забыли, кто они такие и кто такой Черчилль? Для них нет ничего приятнее, как обмануть своих союзников. Во время Первой мировой войны они постоянно обманывали русских и французов. А Черчилль? Черчилль относится к тем людям, которые, стоит вам зазеваться, тут же залезут к вам в карман из-за копейки. Да, да, копейки! Ей-богу, из-за копейки ползут к вам в карман! А Рузвельт? Рузвельт не такой, он запускает руку только за крупными монетами. А Черчилль, Черчилль — даже за копейкой ползет».

Он подчеркнул несколько раз, что мы должны остерегаться «Интеллидженс сервис» и двуличия англичан и особенно опасаться за жизнь Тито. «Это они убили генерала Сикорского в самолете, а потом ловко сбили самолет — ни доказательств, ни свидетелей!».

<...>

В октябре 1944 г. Черчилль и Иден посетили Москву, чтобы решить со Сталиным в первую очередь польский вопрос. Дебаты по польской проблеме были очень тяжелыми. Никто не хотел уступать. Сталин и Черчилль договорились о приглашении в Москву польской делегации во главе с премьер-министром польского эмигрантского правительства Миколайчиком.

Очевидно, Черчилль рассчитывал, что присутствие поляков на переговорах со Сталиным поможет сдвинуть с мертвой точки тяжелый груз польских проблем. Расчеты премьер-министра не оправдались. Лондонские поляки держались резко, вызывая. И однажды Черчилля прорвало. Он явно потерял терпение, вышел из себя. «Вы черствые люди, — заявил Черчилль

полякам, — и хотите погубить Европу... у вас на уме только ваши собственные жалкие интересы... мне придется обратиться к другим полякам, и это Люблинское правительство, возможно, будет работать очень хорошо... если вы хотите покорить Россию, мы предоставим вам сделать это... Я не знаю, будет ли британское правительство и впредь признавать вас».

Черчилль, так же как Сталин и Рузвельт, был чрезвычайно занят, решал многочисленные и сложнейшие проблемы. И лондонские поляки, очевидно, настолько ему надоели, что в этом эмоциональном выступлении премьер-министр по существу во многом солидаризировался с точкой зрения Сталина на польскую проблему. Во всяком случае, он в первый и последний раз дал столь позитивную оценку Люблинскому правительству Польши.

Черчилль писал в мемуарах, что в Москве их встретили «исключительно сердечно и торжественно». В знак особого расположения к английскому гостю в честь его в Большом театре был устроен концерт с участием лучших артистов оперы и балета. Сталин, провожая Черчилля, подарил на память для его жены хрустальную вазу, оправленную серебряной чеканкой, изображающей рулевого на большой лодке, а самому Черчиллю — вазу с изображением охотника на медведя с рогатиной. Черчилль ответил очень теплым письмом.

Если Сталин выбирал подарки, вкладывая в это какой-то смысл, то, возможно, он хотел сказать, что Черчилль был хорошим кормчим, что бывший морской министр неплохо вел могучий английский корабль по бурным волнам Второй мировой войны. Охотник на медведя с рогатиной, наверно, мог напоминать, что Черчиллю не раз пришлось за годы войны вступать в схватку с русским медведем...

Во всяком случае, Черчилль остался очень доволен приемом, который устроил ему Сталин.

Окончание войны приближалось стремительно, и Черчилль решил использовать встречу со Сталиным, чтобы полюбовно договориться с ним о разделе сфер влияния. Премьер-министр так описывал этот эпизод в главе своих мемуаров, которую он назвал «Октябрь в Москве»: «Создалась деловая атмосфера, и я заявил: «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается

Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов в Румынии, на то, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90 процентов в Греции и пополам в Югославии?»

Пока идею Черчилля озвучивал переводчик, премьер-министр быстро набросал на бумаге: Румыния: Россия — 90%, другие — 10%. Греция: Великобритания (в согласии с США) — 90%, Россия — 10%. Югославия: 50–50%. Венгрия: 50–50%. Болгария: Россия — 75%, другие — 25%.

Предложение Черчилля было неожиданным и явно с подтекстом. Интересна реакция Сталина на эту идею английского гостя. «Я передал этот листок Сталину, — вспоминал Черчилль, — который к этому времени уже выслушал перевод. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его мне».

Описывая эту сцену, Черчилль отметил, что «наступило длительное молчание». И, очевидно, пауза была не только длительная, но и тяжелая. «Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец я сказал: «Не покажется ли несколько циничным, что мы грешили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку». — «Нет, оставьте ее себе», — сказал Сталин».

Черчилль был прав — предложение оказалось и циничным, и бесперспективным. Оно напоминало и по форме, и по содержанию идею о разделе сфер влияния, которую в декабре 1940 г. Гитлер изложил Молотову. Аналогия была и в другом: предложение и Гитлера, и Черчилля советской стороной было отвергнуто.

Во время встречи Сталина и Черчилля в Москве в октябре 1944 г. был поднят вопрос о черноморских проливах, о чем Черчилль писал Рузвельту 22 октября 1944 г. Причем Черчилль подчеркивал, что Сталин обещал внести официальные советские предложения по вопросу о проливах и «что они будут умеренными».

Черчилль убеждал Сталина, что прошли времена Дизраэли и Керзона и что Великобритания не намерена мешать России получить выход к теплым морям. Сталин принял к сведению мнение Черчилля и заметил, что для Советского Союза черноморские проливы не менее важны, чем для Англии Суэц и Гибралтар, а для США — Панама. Черчилль еще раз подчеркнул, что у России «справедливые и моральные претензии». В ответ

на это «Сталин попросил Черчилля запомнить их беседу, придет время и СССР поднимет эту международную проблему».

В Ялте и в Потсдаме Сталин поставил вопрос о пересмотре конвенции в Монтре, регулировавшей статус черноморских проливов. Черчилль и Рузвельт заверили советского лидера в Крыму, что конвенция в Монтре будет пересмотрена в пользу Советского Союза. Такое же решение было принято в Потсдаме.

Однако когда СССР поставил вопрос о вынесении этого решения, Англия и США отказались от своих обязательств.

<...>

В августе 1944 г. Черчилль выступил в Палате общин и подчеркнул в своей речи, что наступление союзников в Европе — это выполнение их обязательств, которые он и Рузвельт дали Сталину в Тегеране. «В Тегеране мы обещали маршалу Сталину, — говорил Черчилль, — что будем проводить в жизнь этот план или нечто ему подобное в конце мая или в начале июня, а он со своей стороны обещал нам, что русские армии будут брошены, как они и были действительно брошены, в генеральное сражение на Востоке».

Премьер-министр очень высоко оценивал боевые качества Красной Армии, искусство ее Главнокомандующего: «В воздухе, на океане и в морях мы можем сохранять наше положение, но не было в мире такой силы, которая могла бы сломить и сокрушить германскую армию и нанести ей такие колоссальные потери, как это сделали русские... армии. Я приветствую маршала Сталина, этого великого вождя своей страны, и я твердо верю в то, что наш двадцатилетний договор с Россией окажется одним из наиболее длительных и прочных факторов в деле сохранения мира, порядка и прогресса в Европе».

Черчилль заявил, что наступил обнадеживающий момент для Польши. «Русские армии, — сказал он, — стоят сейчас у ворот Варшавы. Они несут освобождение Польше. Они предлагают полякам свободу, суверенитет и независимость».

Как видно из этого выступления Черчилля, в нем не было даже намека на ту резкую дискуссию со Сталиным, которую премьер-министр вел с советским руководителем на протяжении всей войны и которая все более усиливалась по мере развертывания операций Красной Армии по освобождению Польши. Причем важно подчеркнуть, что Черчилль выступал после начала восстания в Варшаве, что привело к резкому обострению его отношений со Сталиным. В выступлении Черчилля не было ни малейшего намека на это.

Союзники неоднократно срывали сроки открытия второго фронта. Это стоило для Красной Армии колоссальных дополнительных людских жертв и материальных потерь. И когда Сталин дал столь блестящую характеристику операции по форсированию Ла-Манша, то эта оценка советского руководителя произвела очень благоприятное впечатление на союзников.

В сентябре 1944 г., выступая в палате общин, Черчилль говорил: «Выражения, в которых Маршал Сталин упомянул недавно в беседе о наших кампаниях на Западе, исполнены такого великодушия и восхищения, что я считаю себя, в свою очередь, обязанным указать, что Россия сковывает и бьет гораздо более крупные силы, чем те, которые противостоят союзникам на Западе, и что она на протяжении долгих лет ценой огромных потерь несла основное бремя борьбы на суше».

Высадка англо-американских войск в Нормандии и мощные наступательные операции СССР и союзников коренным образом изменили всю стратегическую обстановку в Европе. Казалось бы, открывались благоприятные перспективы и для разгрома Германии, и для послевоенного мира.

Выступая в августе 1944 г. в палате общин, Черчилль дал исключительно высокую оценку Сталину как военачальнику и перспективам англо-советских отношений после окончания войны.

Аналогичная, очень высокая оценка Сталина как военного и государственного руководителя давалась в странах Британской империи. Из Оттавы 3 августа 1944 г. сообщалось, что, комментируя награждение Сталина орденом Победы, канадская газета «Джорнэл». В передовой статье писала о нем «не только как о великом руководителе страны, но и высшем военном гении всех времен». Статья высоко оценивала руководство Сталина в период отступления Красной Армии под мощным натиском германских армий, когда Сталин, как говорилось в статье, проявил исключительное моральное мужество и великолепное понимание войны в широком масштабе, знание своего народа и слабостей своего противника. Газета указывала, что в результате этого Германия выиграла много сражений, но проиграла войну. Когда Сталин предпринял наступление, в результате которого в настоящее время советская территория почти полностью очищена от врага, он показал другую сторону своих способностей — дар военного руководителя.

В заключение статьи указывалось, что «русский народ проявил стойкость и храбрость. Русские солдаты дрались решительно

и отважно, над всем этим стоит героическая фигура Сталина, несравненного вождя своей страны в дни ее огромной опасности».

В тех случаях, когда Черчилль и Сталин публично касались спорных с Советским Союзом проблем, они делали это в осторожной, дипломатичной форме, чтобы не нанести ущерб антигитлеровской коалиции.

В сентябре 1944 г., выступая в палате общин, Черчилль говорил: «Было бы аффектацией делать вид, что позиции английского правительства и, как я полагаю, правительства Соединенных Штатов в отношении Польши тождественны с позицией Советского Союза».

Черчилль считал, что нужно делать скидки на различные исторические и географические условия, определяющие позицию западных демократий, с одной стороны, и Советского правительства, с другой, в польском вопросе.

«Сам Сталин неоднократно высказывался в пользу сильной, дружественной, суверенной и независимой Польши, — говорил Черчилль.

В этом отношении наш великий восточный союзник полностью согласен с правительством его Величества, а также, если судить по американским публичным заявлениям, то и с правительством Соединенных Штатов».

У СССР и союзников был различный подход и к вопросу о том, на каких условиях следует принять капитуляцию Германии.

Черчилль и Рузвельт поддержали предложение Сталина о безоговорочной капитуляции Германии. Почему лидер Англии пошел на это, объяснял английский автор: «Для этого у него были политические причины... Вследствие неспособности... союзников предпринять наступление на Западе, которого требовал Сталин, премьер-министр считал особенно важным, чтобы у русских не было оснований опасаться, что их покинут в беде, заключив компромиссный мир между Германией и Западом».

<...>

Характерно, что и Черчилль, особенно негативно воспринимавший политический курс Сталина, в канун Крымской конференции в своих публичных выступлениях давал высокую оценку советскому руководству.

По сообщению из Лондона от 18 января 1945 г., Черчилль, выступая в палате общин, заявил, касаясь «замечательного наступления всех основных русских армий», что «Сталин очень

пунктуален. Он скорее опережает сроки, нежели запаздывает в совместных действиях с союзниками».

Правда, другие мотивы звучали в его переписке с Рузвельтом, в которой он призывал президента готовиться к этой встрече серьезно и решительно.

Министр иностранных дел Великобритании Иден также считал, что Черчилль и Рузвельт, в отличие от Сталина, не готовы по-настоящему к Крымской встрече¹⁶. Иден говорил Гопкинсу, что «нам предстоит участвовать в Конференции, имеющей решающее значение, а мы пока что не договорились ни о тех вопросах, которые будут обсуждаться, ни о том, как будем их решать совместно с медведем, который, конечно, будет знать, чего он хочет».

5 января 1945 г. Черчилль писал Рузвельту: «Не можете ли Вы провести два-три вечера на Мальте и предоставить начальникам штабов возможность побеседовать, не привлекая к себе внимания?». Рузвельт, связанный с уже достигнутой со Сталиным договоренностью о сроках встречи в Крыму, ответил отказом на это предложение. Но у премьер-министра была действительно бульдожья хватка. И на этот раз Черчилль смог убедить президента принять его предложение. 22 января, спустя два дня после своей инаугурации, Рузвельт поездом отправился на восточное побережье США, откуда на военном корабле «Куинси» отплыл в Средиземное море, сопровождаемый мощным эскортом.

Вместе с президентом была его дочь Анна. Женщины редко путешествуют на военных кораблях, т. к. многие моряки считают дурной приметой их появление на борту. Когда дочь президента спустилась на палубу, один из офицеров воскликнул: «Сорок лет на флоте. Теперь я видел все!».

Несмотря на дурную примету (женщина на борту), плавание прошло благополучно, не считая штормовой погоды в первые дни путешествия и ложной тревоги, поднятой вооруженным эскортом, принявшим португальский торговый пароход за противника.

Отметив на борту военного корабля свое 63-летие, Рузвельт 2 февраля благополучно прибыл на Мальту, где состоял ась его встреча с Черчиллем. «Рассказывают, — отметила одна из американских газет, — что Сталин, узнав об этом, направил им послание: «Я сказал Ялта, а не Мальта».

3 февраля Рузвельт и Черчилль вылетели отдельными самолетами в Саки, в Крыму, а затем на автомобилях проехали оставшиеся 80 миль до Ливадийского дворца на окраине Ялты.

Сталин ехал из Москвы поездом, а затем автомобилем, и прибыл на следующее утро. Первое заседание Ялтинской конференции состоялось в тот же день, а последняя встреча министров иностранных дел — днем 11 февраля.

В распоряжение Рузвельта гостеприимные русские хозяева предоставили роскошный Ливадийский дворец, где проходили все пленарные заседания, чтобы, учитывая физическое состояние президента, создать ему максимально благоприятные условия для участия в работе Конференции.

Эта предусмотрительность оказалась очень кстати. Врач Черчилля, увидевший президента на первом пленарном заседании, состоявшемся 5 февраля, был удручен его плохим состоянием. Он высказал предположение, что президент страдает заболеванием сосудов головного мозга и ему осталось жить несколько месяцев. К сожалению, диагноз был поставлен правильно. Вскоре после Крымской конференции, 12 апреля 1945 г., Рузвельт скончался.

Советская делегация разместилась в Юсуповском дворце, английская — в Воронцовском.

Черчилль вспоминал, что русские хозяева превзошли сами себя в гостеприимстве. Любое желание английских и американских гостей выполнялось незамедлительно. Английский генерал Порайл пришел в восторг, увидев большой стеклянный аквариум, в котором росли растения, но он заметил, что там не было ни одной рыбки. Два дня спустя в аквариуме появилась целая партия золотых рыбок.

В другой раз кто-то заметил, что в коктейле нет лимонных корочек. На следующий день в холле выросло лимонное дерево, отягощенное плодами. «И все это, — писал Черчилль, — вероятно, приходилось доставлять издалека на самолетах».

Черчилля особенно восхитили два льва из белого мрамора, украшавших террасу его резиденции, выходящей к морю. Премьер-министр не возражал бы забрать их с собой как символ Британской империи. Однако, замечал английский историк, «был предел даже советскому гостеприимству».

Черчилль и сам был в войну вроде символа Британской империи. Но этот «двухспальный английский лев» уже был не тот, что прежде. Чем ближе подходил конец войны, тем все более очевидным становилось, что лев дряхлеет, хватка у него уже ослабела, что в Большой тройке он все больше отходил на задний план по сравнению со Сталиным и Рузвельтом. Об этом

в очередной раз и со всей убедительностью напомнила Крымская конференция.

Даже по мемуарам Черчилля чувствуется, что он был очень раздражен этой перегруппировкой сил внутри Большой тройки. Черчилля можно было понять. Премьер-министр рассчитывал на большее внимание со стороны президента США. Оба они принадлежали к англосаксам. Более того, Черчилль по линии матери был американцем. Не без основания он мог надеяться и на то, что его и Рузвельта связывали общие политические и идеологические воззрения.

Сталин же был инородным телом в этой компании, идеологическим и политическим антиподом и для Черчилля и для Рузвельта. Тем большим было разочарование премьер-министра, когда он наблюдал проявление взаимного уважения и даже определенной симпатии между Рузвельтом и Сталиным.

Первое пленарное заседание, состоявшееся 5 февраля, в качестве хозяина открыл Сталин и предложил, чтобы председательствовал, как и в Тегеране, Рузвельт.

Будучи Главнокомандующим Советскими Вооруженными Силами, Сталин первую половину дня занимался военными вопросами, а во второй половине — участвовал в работе Конференции. На официальных встречах советский руководитель занимал место справа от президента, Черчилль слева. Переговоры велись за массивным круглым столом, который как реликвия и сегодня сохраняется в Ливадийском дворце. Участников Конференции сопровождали высокопоставленные советники и переводчики. Иногда их собиралось до 20 человек.

Открывая первую официальную встречу, Сталин был краток. Он сказал: «Давайте начинать». Черчилль, отмечала американская газета, говорил дольше и с большим рвением, чем Сталин и Рузвельт, нередко вскакивал со своего места, жестикулируя, повышая голос, будто он выступал в парламенте. Время от времени переводчик должен был сдерживать его.

Экспансивность Черчилля автор объяснял во многом тем, что «он чаще всего оказывался в меньшинстве. Рузвельт и Сталин нередко обнаруживали, что их точки зрения совпадали или по крайней мере не сильно отличались друг от друга». В статье отмечалось, что все сказанное не означало, что Черчилль не смог добиваться решения в своих интересах обсуждавшихся проблем. В частности, именно он особенно настойчиво требовал предоста-

вить Франции зону оккупации в Германии и членство в Союзной контрольной комиссии в Берлине, что и было решено. «Британия хотела иметь между собой и Германией сильную Францию».

Участники Конференции обратили внимание на то, что Сталин относился к Рузвельту с подчеркнутым вниманием. Даже в тех случаях, когда Черчилль поддерживал Сталина, последний говорил: «Мы признаем важность этого решения, оно имеет для нас важное значение. Однако если президент посчитает, что оно противоречит его планам, мы отзовем свое решение». Участник английской делегации лорд Моран и ряд обозревателей отмечали, что такое поведение Сталина свидетельствовало о том, что он пытался вбить клин между Черчиллем и Рузвельтом.

Трудно сказать, насколько обоснована была эта точка зрения, но, бесспорно, элемент взаимной симпатии между Сталиным и Рузвельтом был очевиден.

Английская и американская пресса очень детально знакомила читателей с целым комплексом решений, принятых на Конференции по германскому, польскому и югославскому вопросам — по всем проблемам, обсуждавшимся на встрече Большой тройки.

Железный занавес разделил Запад и Восток не после окончания Второй мировой войны, а значительно раньше, если иметь в виду закрытый характер советского общества и очень скудную информацию, поступавшую на Запад в отношении Советского Союза в целом, его руководства в особенности.

Вот почему, как уже отмечалось, общественность союзных стран с большим интересом воспринимала ту все еще ограниченную информацию, которая поступала из СССР, особенно когда она касалась жизни ее руководителей, Сталина в первую очередь.

И естественно, что, удовлетворяя этот интерес к советскому руководителю, средства массовой информации, комментируя результаты работы Крымской конференции, давали много материалов о Сталине, приводили многочисленные чисто бытовые детали, касавшиеся работы Конференции.

<...>

Исключительно яркую, запоминающуюся характеристику Сталину дал на Крымской конференции Черчилль.

«Я, — говорил премьер-министр, — не прибегаю ни к преувеличению, ни к цветистым комплиментам, когда говорю, что мы считаем жизнь маршала Сталина драгоценнейшим сокровищем для наших надежд и наших сердец. В истории было много завоевате-

лей. Но лишь немногие из них были государственными деятелями, и большинство из них, столкнувшись с трудностями, которые следовали за их войнами, рассеивали плоды своих побед. Я искренне надеюсь, что жизнь маршала сохранится для народа Советского Союза и поможет всем нам приблизиться к менее печальным временам, чем те, которые мы пережили недавно. Я шагаю по этому миру с большой смелостью и надеждой, когда сознаю, что нахожусь в дружеских и близких отношениях с этим великим человеком, слава которого прошла не только по всей России, но и по всему миру».

Не менее высокую оценку Черчиллю дал на этой встрече и Сталин. Именно здесь он говорил, что такие лидеры, как Черчилль, рождаются раз в столетие. Сталин отмечал, что «нет другого примера в истории, когда бы будущее мира зависело от храбрости одного человека».

Черчилль, наверно, был искренен, когда в Ялте объяснял, почему он изменил к лучшему свое мнение о Сталине. А метаморфоза была действительно грандиозна — от призыва после Октябрьской революции «задушить коммунизм в колыбели» до изъявления дружественных чувств к Сталину в Крыму. «Пламя войны, — говорил Черчилль в Ялте, — выжгло все недоразумения прошлого».

<...>

Столь же важное значение для английской общественности имела позитивная оценка итогов работы Крымской конференции, с которой выступил Черчилль, возвратившись из Ялты в Лондон.

27 февраля Черчилль предложил палате общин одобрить результаты Крымской конференции. И опять возник вопрос о Польше. Черчилль заявил парламентариям, что Сталин дал самые торжественные заверения, что суверенная независимость Польши будет соблюдена и «к этому решению теперь присоединились Великобритания и США».

Черчилль писал в мемуарах, что невмешательство Сталина в политику, которую Англия вела в Греции, убедила его, что советский руководитель выполнит свое обещание о проведении честных выборов в Польше.

Премьер-министр сказал в Палате общин: «Впечатление, сложившееся у меня после поездки в Крым и после всех других встреч, таково, что маршал Сталин и советские лидеры желают жить в дружбе и равенстве с западными демократиями. Я считаю также, что они — хозяева своего слова».

Черчилль говорил о своей глубокой вере в Сталина: «Мне не известно ни одно правительство, которое выполняло бы свои обязательства, даже в ущерб самому себе, более точно, нежели русское советское правительство. Я категорически отказываюсь пускаться здесь в дискуссии относительно добросовестности русских». Премьер-министр ратовал за единство союзников: «Совершенно очевидно, что эти вопросы касаются всей будущности земного шара. Действительно, судьба человечества была бы мрачной в случае возникновения какого-либо ужасного раскола между западными демократиями и русским Советским Союзом...»

О положительном отношении английской общественности к Крымской конференции свидетельствовал тот факт, что в ходе голосования в палате общин подавляющее большинство одобрило решения Конференции. Только 25 членов палаты, в большинстве консерваторы, проголосовали против.

О характере отношений, которые сложились между Сталиным и Рузвельтом, свидетельствовал тот факт, что такой важный вопрос, как вступление СССР в войну с Японией, они обсуждали вдвоем, без Черчилля. На секретной встрече Рузвельта со Сталиным 8 февраля, о которой Черчилль узнал лишь на следующий день, Сталин согласился вступить в войну против Японии через два-три месяца после разгрома Гитлера. Идя навстречу пожеланиям советского руководства, Рузвельт дал согласие на то, чтобы русские вернули себе все права и территории, отнятые у них японцами в войну 1904–1905 гг., чтобы существующее положение во Внешней Монголии было сохранено и чтобы Советский Союз получил Курильские острова. После того как Чан Кайши согласится с этими условиями (Рузвельт взялся добиться такого согласия), Сталин обещал, что Китай сохранит полный суверенитет над Маньчжурией и что Советский Союз заключит договор о дружбе и союзе с правительством Китая.

Черчилль ничего обо всем этом не знал, как, впрочем, не знал и государственный секретарь США Стеттиниус. До последнего дня Конференции Рузвельт не посвящал Черчилля в эти дела. Черчилль проинформировал об этом министра иностранных дел Идена, который расценивал переговоры Рузвельта со Сталиным как «постыдные» и рекомендовал Черчиллю не подписывать это соглашение. Но премьер-министр, казалось, был менее обеспокоен, чем Иден, и согласился со сделкой, заключенной Рузвельтом,

по той причине что, если бы англичане отказались подписать соглашение Рузвельта — Сталина, пострадало бы их влияние на Дальнем Востоке.

<...>

Суть политических планов Черчилля была очевидна. На протяжении всей войны он всемерно затягивал открытие второго фронта. А когда оставались считанные недели до ее окончания, Черчилль делал все возможное, чтобы захватить более выгодные исходные рубежи для ведения в будущем холодной войны, духовным отцом которой он по праву считается. Английский премьер стремился продвинуть позиции союзников как можно дальше на Восток. Он заявил Эйзенхауэру: «Я полагаю, что исключительно важно, чтобы мы обменялись рукопожатием с русскими как можно дальше на Востоке».

Британский премьер-министр достаточно болезненно реагировал на то, что и до Крымской конференции, и в Ялте, и после встречи в Крыму отношения между Сталиным и Рузвельтом в целом развивались по восходящей линии. Рузвельт не считал нужным скрывать это от своего английского союзника. Еще 18 марта 1942 г. он сообщал Черчиллю: «Я знаю, что Вы не будете возражать против моей грубой откровенности, если сообщу Вам, что, как я думаю, я лично могу столкнуться со Сталиным лучше, чем ваше министерство иностранных дел или мой государственный департамент. Сталин не выносит надменности ваших высших руководителей. Он исходит из того, что я ему нравлюсь больше, и я надеюсь, что он будет продолжать так думать».

Было бы неправильным считать, что только Черчилль всемерно ратовал за принятие любых мер, чтобы помешать советскому союзнику прорваться в Восточную и Западную Европу в ходе разгрома Германии и продвинуть социалистические аванпосты как можно дальше на Запад.

В принципе английская и американская позиция в этом вопросе были однозначны. Еще в сентябре 1944 г. на второй Квебекской конференции в беседе с австрийским эрцгерцогом Отто Рузвельт прямо заявил: «Наша главная забота состоит в том, как не пустить коммунистов в Венгрию и Австрию».

Авторы вступительной главы к одному из разделов «Секретной переписки Рузвельта и Черчилля в период войны» обоснованно писали, что политика Черчилля определялась тем, что продвижение Красной Армии «могло дать русским возможность навязать

коммунистические правительства многим странам Восточной Европы, чему он стал бы упорно сопротивляться».

Сталин уверял Рузвельта и Черчилля, своих партнеров по антифашистской коалиции, что он не намерен насаждать коммунистические порядки в странах Европы. Например, встречаясь в августе 1944 г. с премьер-министром польского правительства в эмиграции Миколайчиком, Сталин в ответ на его замечание, что есть информация о намерении СССР навязать Германии после войны коммунизм, «ответил, что коммунизм подходит Германии, «как корове седло».

Заверениям советского лидера, что он будет политически нейтрален в европейских странах, в которые придет Красная Армия, мало кто верил в Лондоне и Вашингтоне. Бесспорно, что в конце войны каждый из союзников хотел занять в Европе максимально удобные стратегические позиции.

Такой американский авторитет в вопросах внешней политики, как Генри Киссинджер, писан: «К концу войны настойчиво, но тщетно он (Черчилль. — Р. И.) умолял Эйзенхауэра брать Берлин, Прагу и Вену». Киссинджер подчеркивал, что Черчилль руководствовался не военными, а чисто политическими соображениями, необходимостью «пребывания там для ограничения послевоенного влияния Советского Союза».

Черчилль был уверен, что Берлин должны брать западные союзники, причем не американцы, а англичане. Американский генерал Омар Брэдли¹⁷ вспоминал в своих мемуарах, что Черчилль был «страшно разочарован и расстроен тем, что штаб союзников не усилил Монтгомери американскими войсками и не дал ему двинуться на Берлин, чтобы сделать отчаянную попытку захватить город раньше русских». Политические расчеты, скрывавшиеся за этим требованием, были очевидны. Эйзенхауэр писал в своих мемуарах, что решительное требование английского премьер-министра «опередить появление русских в Берлине, должно быть, основывалось на убеждении, что позднее западные союзники извлекут из этого обстоятельства огромные преимущества и смогут воздействовать на последующие события».

Вопрос о Берлине стал важной проблемой финала войны. На Западе и помимо Черчилля было немало военных и политических стратегов, которые считали, что западные союзники должны были «опередить русских» и взять Берлин своими силами. Однако трезвомыслящие военные и политические руководители

справедливо полагали, что западным союзникам необходимо было в первую очередь иметь реальные возможности для взятия столицы Германии. По их мнению, даже с учетом того, что на ряде участков фронта немцы не оказывали серьезного сопротивления англо-американским войскам, этих сил было явно недостаточно, чтобы осуществить операцию по взятию Берлина. Советские войска были несравненно ближе к Берлину и многократно превосходили союзнические вооруженные силы.

<...>

<...> Великобритания выходила из войны ослабленная почти шестилетним участием в этом самом тяжелом в мировой истории военном конфликте. Начался процесс распада Британской колониальной империи, Англия сталкивалась с серьезными экономическими, финансовыми, политическими проблемами.

<...>

Огромные негативные последствия раскола Большой тройки прекрасно понимал и Черчилль. Однако его резко отрицательное отношение к усилению позиций Советского Союза брало верх над боязнью последствий развала антигитлеровской коалиции.

Опасения Черчилля в отношении роста авторитета и влияния Советского Союза и лично Сталина по мере приближения окончания войны разделяли многие консервативно настроенные англичане и американцы, что оказывало свое воздействие и на настроение общественности этих стран.

Черчиллю, как и Рузвельту, была очевидна опасность для дела мира раскола между Советским Союзом и его англо-американскими союзниками, обострения отношений в рамках Большой тройки. Выступая в палате общин после возвращения с Крымской конференции, он говорил, что «судьба человечества была бы мрачной в случае возникновения какого-либо ужасного раскола между западными демократиями и... Советским Союзом...».

Обостряя отношения с СССР, Черчилль играл с огнем, рискуя взорвать всю антигитлеровскую коалицию. Он беспрерывно плел паутину политических интриг.

Премьер-министр Великобритании делал все возможное, чтобы помешать реализации освободительной миссии Красной Армии в Центральной и Восточной Европе. В принципе он был не против того, чтобы советские войска разгромили в этих странах вооруженные силы Германии, что требовало немалых жертв (известно, что только в боях за освобождение Польши погибло

600 тыс. советских солдат и офицеров). По мнению Черчилля, на этом освободительная миссия Красной Армии заканчивалась, а вопрос о характере политического режима в освобожденных странах должны были решать, «западные демократии», в первую очередь Великобритания.

Черчилль, считавший себя выдающимся военачальником, скептически относился к политическим потенциям генералитета и, рассматривая войны как сугубо политическое явление, заявлял: «Война — слишком серьезное дело, чтобы доверять ее генералам».

Однако на завершающем этапе войны британский премьер-министр, застоявшийся в трехгодичной подготовке к открытию второго фронта, развил бурную деятельность, чтобы продвинуть англо-американские позиции как можно дальше на Восток. Черчилль уже тогда вступил на тропу холодной войны. Стремясь опередить советские армии в борьбе за «жизненное пространство» в Европе, он пытался обеспечить как можно более выгодные стратегические рубежи для успешного ведения с Советским Союзом холодной войны, общепризнанным духовным отцом которой он по праву повсеместно признается. Этот политический курс Черчилля сталкивал его со Сталиным на всех военно-политических перекрестках Второй мировой войны.

Составной частью этой стратегии Черчилля явился и его мощный нажим на Эйзенхауэра с требованием, чтобы не советские, а англо-американские войска брали Берлин. Попытался Черчилль добиться и того, чтобы не советские, а американские войска пришли на помощь восставшей Праге. 30 апреля 1945 г. он обращался к президенту Трумэну: «Можно почти не сомневаться в том, что освобождение Вашими войсками Праги и как можно большей части территории Западной Чехословакии может полностью изменить послевоенное положение Чехословакии и вполне может к тому же повлиять на соседние страны. С другой стороны, если западные союзники не будут играть важную роль в освобождении Чехословакии, эту страну постигнет участь Югославии».

Сталин был не только государственным и политическим руководителем СССР, но и Главнокомандующим советскими вооруженными силами, и, пытаясь убедить Трумэна в необходимости для американских войск взять Прагу, Черчилль породил еще один персональный конфликт с советским руководителем.

После смерти Рузвельта и прихода в Белый дом Гарри Трумэна стратегическая направленность политики США в антигитлеровской коалиции резко меняется. Четкие очертания принимает курс на блокирование Соединенных Штатов с Англией на антисоветской основе. Этот курс автоматически менял расстановку сил и внутри Большой тройки. Трумэн и Черчилль все более блокируются, выступая против Сталина по всем важнейшим военным и политическим проблемам Второй мировой войны.

Сталин не относился к числу тех умеренных лидеров, которые в подобной обстановке пытаются найти какие-то компромиссные пути выхода из политических тупиков. Следствием курса Трумэна — Черчилля и ответной реакции Сталина становилось все более быстрое развитие центробежных сил внутри Большой тройки.

Политические игры на высшем правительственном уровне не очень четко улавливались внизу, в широких кругах союзных стран. Советский политический курс в Польше, Румынии, Болгарии и в других странах Восточной и Центральной Европы, резко критиковавшийся средствами массовой информации США и Англии, как мы видели, настраивал значительную часть общественности этих стран против Советского Союза. Однако СССР и лично Сталин все же оставались для простых граждан стран антигитлеровской коалиции их союзником по борьбе с Германией.

Еще срабатывала сила политической и морально-психологической инерции. Более трех лет СССР был военно-политическим союзником стран антигитлеровской коалиции. Народы этих стран сражались с общим противником, имели общие государственные и национальные интересы. И Черчилль, и Рузвельт часто и очень убедительно заверяли своих сограждан, сколь велика роль Сталина в совместной борьбе Советского Союза и других стран антигитлеровской коалиции. В кратчайшие сроки предать все это забвению практически было невозможно. И это нашло свое отражение в позиции общественности союзных стран, которая все еще видела в СССР главного союзника в борьбе с общим врагом.

Необходимо также учитывать, что с разгромом Германии война не заканчивалась. Основной фронт против Японии держали Соединенные Штаты, и для широких кругов американцев была важна позиция Советского Союза в этом вопросе, его вступление в войну с Японией.

В не меньшей степени в этом была заинтересована и Англия, имевшая большие колониальные интересы на Тихом океане.

И не случайно Черчилль проявлял столь большой интерес к заявлениям Сталина в Тегеране и Ялте, что после разгрома Германии Советский Союз вступит в войну с Японией.

<...>

Необходимость новой встречи Большой тройки в обновленном составе была очевидна и для Сталина, и для Трумэна, и для Черчилля. Встреча была нужна, чтобы в первую очередь решить сложный комплекс проблем, возникших после капитуляции Германии.

27 мая 1945 г. Сталин предложил, чтобы Большая тройка встретилась в Берлине. Черчилль был заинтересован в более ранней дате начала работы Конференции руководителей трех держав, так как в Англии готовили выборы и премьер-министр хотел бы завершить встречу до их окончания. Однако Трумэна устраивала середина июля, и Черчиллю пришлось согласиться с этими сроками.

Конференция проходила в пригороде Берлина, в Потсдаме, с 17 июля по 2 августа 1945 г.

Черчилль, как и накануне Крымской конференции, предложил США предварительно организовать англо-американскую встречу на высшем уровне, чтобы согласовать позиции англичан и американцев по важнейшим вопросам, которые предстояло обсудить на Конференции. Трумэн отклонил это предложение, не без оснований посчитав, что надо не допускать со стороны Сталина «подозрений в «сговоре»». Эта позиция Трумэна вызвала резкое раздражение Черчилля, которое он не мог скрыть и спустя много лет в своих мемуарах.

18 июля Сталин и Черчилль встретились в узком кругу на обеде, с участием только переводчиков. Трапеза была длительной, обед продолжался с половины девятого вечера до половины второго ночи, несмотря на то что Сталин, вспоминая Черчилль, «казался физически несколько подавленным».

О плохом самочувствии Сталина во время Конференции информировала и пресса. Так, 31 июля корреспондент агентства Рейтер в Потсдаме Генри Бакли сообщал, что «генералиссимус Иосиф Сталин, оправившись от своего недомогания, принял участие в пленарном заседании, состоявшемся в этот день. Заседание продолжалось 3,5 часа».

О плохом самочувствии Сталина на Потсдамской конференции пишут многие исследователи. Так, английский историк отмечал: «Сталин не присутствовал на встречах, которые были во время

двух последних дней работы Конференции. Сообщали, что он простужен... Однако на основании его истории болезни более вероятно, что у него в это время был периодически повторявшийся приступ болезни сердца».

Сталин выразил Черчиллю в ходе работы Потсдамской конференции твердую уверенность, что на предстоящих выборах он одержит убедительную победу большинством почти в 80 процентов. Прогноз оказался никудышным, Черчилль потерпел на выборах поражение, и 28 июля его заменил на Конференции новый премьер-министр Великобритании К. Эттли.

Это случится через десять дней, а на обеде 18 июля Сталин и Черчилль обсуждали самый широкий круг проблем. Сталин поставил вопрос о необходимости расширить права Советского Союза на использование черноморских проливов. Он не считал нужным скрывать от Черчилля, что СССР хочет получить Карс и Ардаган, которые были отторгнуты Турцией у России в результате Первой мировой войны.

Это требование Советского Союза, сформулированное Сталиным, поддерживали армянские организации многих стран. Так, например, ТАСС сообщал из Нью-Йорка 19 июля 1945 г., что лидеры прогрессивного «Армянского национального совета в Америке» опубликовали в печати заявление о том, что они обратились в Потсдам к Трумэну, Сталину и Черчиллю с предложением вернуть армянские провинции, входящие в состав Турции, их единственному законному представителю — Советской Армении. Сославшись на турецкие набеги и избиение турками армянского населения в прошлые столетия, авторы этого обращения констатировали: «К счастью, в одной части Армении, которая входила в состав России до Первой мировой войны, создана независимая армянская республика как составная часть Советского Союза. На протяжении 25 лет своего существования Советская Армения развивалась гигантскими шагами и дала армянам безопасность, которой не существовало в прошлой армянской истории».

Во время Второй мировой войны, говорилось в заявлении, армяне вновь продемонстрировали любовь к свободе и отважно сражались в армиях союзных наций, особенно в войсках Соединенных Штатов и Советского Союза.

Между тем турки проводили свою традиционную двуликую политику. Под покровом нейтралитета они помогали нацистам

и восхищались первоначальными успехами Германии. Турция была готова открыто вступить в войну на стороне Германии, если бы нацисты захватили Сталинград. Тем временем Турция наметила новые способы экспроприировать и угнетать небольшое армянское население в этой стране. Объявление Турцией войны Германии в самую последнюю минуту представляло жалкий фарс. В течение веков турки причиняли армянам страдания. В настоящее время вне пределов Армении и других частей Советского Союза проживает 1,5 млн армян. Подавляющая часть этих армян желает вернуться на землю своих праотцов и принять участие в ее перестройке.

Американцы армянского происхождения, отмечалось в заявлении, настоятельно просят Конференцию в Потсдаме поставить вопрос об армянской проблеме в повестку дня для того, чтобы могло быть гарантировано справедливое поселение армян, желающих вновь жить в своем историческом отечестве — Советской Армении.

«Нью-Йорк таймс» 11 июля 1945 г. опубликовала из Лос-Анджелеса пространное письмо хорошо известного армянского писателя Сурмеляна, который предлагал вернуть Карс и Ардаган СССР, так как эти города по праву принадлежат Советскому Союзу, кроме того, они «являются важными для защиты Кавказа».

На обеде Сталина с Черчиллем 18 июля обсуждался в предварительном порядке ряд вопросов, которые позднее были вынесены на пленарные заседания. Черчилль заявил, что он всемерно поддерживает выход России в океаны, раздел германского флота между союзниками. Сталин заверял премьер-министра, что не будет «советизации какой бы то ни было из восточноевропейских стран», освобожденных Красной Армией. Два лидера обсудили югославскую проблему. Сталин решительно потребовал, чтобы Англия и США прекратили вмешательство в дела Румынии и Болгарии. Советский руководитель объяснял свое требование тем, что он «не вмешивается в греческие дела».

Журналисты обратили внимание на то, что даже по советским масштабам Сталина очень тщательно охраняли. Турецкое радио передавало: «Во время пребывания Сталина на Потсдамской конференции были приняты чрезвычайные меры по его охране. Исключая встречи с членами делегаций — участниц Конференции, Сталин во время своего пребывания в Берлине имел беседы всего с шестью лицами».

В передаче говорилось, что за 10 минут до начала Конференции, когда Сталин проезжал на автомобиле, запрещалось смотреть из окон дворца Цецилиенхоф, где проходили заседания. Перед каждой встречей Большой тройки зал заседаний тщательно осматривался русскими, английскими и американскими офицерами охраны. Сталина всегда окружала военная охрана во дворце Цецилиенхоф. Коридоры и сад дворца были полны офицерами и солдатами охраны. Во время следования Сталина от здания, где он жил, до дворца, где происходили заседания Конференции, находились патрули.

Корреспондент агентства Юнайтед Пресс сообщал, что поведение Трумэна на Конференции отличалось простотой в сравнении с церемонным поведением советской и английской делегаций. Например, когда Черчилль вечером пригласил Сталина и Трумэна к обеду, Сталин прибыл в сопровождении около 50 солдат, которые ехали на быстроходных автомобилях, в то время как Трумэн дошел пешком до виллы, занимаемой Черчиллем, в сопровождении Бирнса, адмирала Леги и двух или трех представителей охраны.

К моменту начала работы Потсдамской конференции в США прошло первое успешное испытание атомной бомбы. Трумэн и Черчилль решили выжать максимум политического эффекта из этого события, попытаться шантажировать Сталина. Президент и премьер-министр в деталях обсуждали вопрос, как лучше сообщить Сталину эту новость, чтобы про извести на него большее впечатление.

Было решено, что Трумэн сообщит Сталину о взрыве атомной бомбы после одного из официальных заседаний. Черчилль вспоминал, что, когда Трумэн подошел к Сталину, он занял место рядом с ними, чтобы слышать разговор президента и генералиссимуса. Трумэн сообщил Сталину о взрыве атомной бомбы. «Казалось, — писал Черчилль, — что он (Сталин. — *Р. И.*) был в восторге. Новая бомба! Исключительной силы! И может быть, будет иметь решающее значение для всей войны с Японией! Какая удача!».

Черчилль был твердо убежден, что Сталин ничего толком не понял из информации президента: «...Я был уверен, что он (Сталин. — *Р. И.*) не представляет всего значения того, о чем ему рассказывали... Если бы он имел хоть малейшее представление о той революции в международных делах, которая совершалась, то это сразу было бы заметно».

Сталин был прекрасным актером. К моменту, когда произошел этот разговор, уже шло выполнение советской программы по созданию атомной бомбы (союзники не считали нужным сообщить Советскому Союзу о своих работах над атомной бомбой). И конечно, Сталин был в деталях проинформирован о том, что такое атомное оружие.

В общем, Трумэн и Черчилль не сумели произвести какого-либо морально-психологического эффекта на Сталина. Очевидно, его реакция на информацию президента была своеобразной дезинформацией. Он создавал впечатление у англо-американской стороны, что Советский Союз не имеет никакого представления об атомной бомбе и не предпринимает никаких усилий по ее созданию. И не случайно с начала Потсдамской конференции началась политика атомного шантажа Советского Союза.

2 августа 1945 г., в день закрытия Потсдамской конференции, ТАСС сообщал из Нью-Йорка, что «Нью-Йорк таймс» писала: «В Потсдам Сталин прибыл для того, чтобы, воспользовавшись затруднительным положением Америки, связанной войной с Японией, путем запугивания, шантажа и вымогательства заполучить санкцию великих демократических держав на грандиозный грабёж и насилия в Восточной Европе и на Балканах».

Если принять во внимание спектакль, разыгранный Трумэном и Черчиллем с вопросом об атомной бомбе, то надо признать, что не Сталин, а его партнеры по Большой тройке пытались шантажировать советского руководителя.

Черчилль писал, что и он, и Трумэн после создания атомной бомбы пришли к выводу, что Япония капитулирует, и, следовательно, нет необходимости в участии Советского Союза в войне на Дальнем Востоке. Оба лидера считали, что достаточно того, что Красная Армия прорвалась к центру Европы. Нет необходимости давать русским возможность серьезно расширить и укрепить свои позиции и на Дальнем Востоке.

Однако решение об участии Советского Союза в войне с Японией уже было принято в Ялте, шла форсированная переброска советских вооруженных сил на Дальний Восток.

Воинская часть, в которой я служил в те дни, находилась в районе города Куйбышевка-Восточная на Дальнем Востоке. В один из июльских дней 1945 г. я был в наряде на железнодорожной станции Куйбышевка-Восточная и оставил в своем дневнике запись, что за сутки через город прошло с Запада 24

эшелоны с солдатами и военной техникой. Полным темпом шла подготовка к вступлению СССР в войну с Японией, и этот процесс не мог остановить ни Трумэн, ни Черчилль.

По ходу дебатов в Потсдаме было ясно, что если еще несколько месяцев назад англичане и американцы всемерно выступали за участие Советского Союза в войне с Японией и опасались, что Сталин откажется от этого, то теперь их отношение к этой проблеме коренным образом изменилось.

Сталин своего решения о вступлении в войну с Японией менять не собирался. И, очевидно, почувствовав перемену в настроении Трумэна и Черчилля, он не случайно на заключительном банкете 23 июля «предложил провести нашу следующую встречу в Токио». Генералиссимус не делал никакого секрета из того, что СССР готовится к войне с Японией. Свое предложение о встрече в Токио он внес, не дожидаясь пока официанты выйдут из банкетного зала.

По ходу работы Конференции Трумэн и Черчилль неоднократно возвращались к польской проблеме. Пресса союзных стран вновь и вновь обсуждала этот вопрос, позицию Сталина при его рассмотрении.

В трактовке Черчилля и Трумэна, в оценках прессы стран Запада Сталин выглядел как бесчестный человек, который дал согласие на предыдущих встречах Большой тройки демократично решить польскую проблему и начал грубо нарушать это соглашение сразу после того, как оно было достигнуто. Но даже Черчилль признает в мемуарах, что советский руководитель стремился занять конструктивную позицию в этом сложнейшем вопросе, раскалывавшем антигитлеровскую коалицию. Советский Союз в конце концов пошел на компромисс и дал согласие на включение в состав временного правительства Польши представителей лондонских поляков. «По предложению Трумэна, — писал Черчилль, — оно было признано 5 июля как Англией, так и Соединенными Штатами».

На Потсдамской конференции Сталин поддержал и предложение Черчилля о приглашении для участия в работе Большой тройки делегации временного польского правительства. Эта делегация во главе с премьер-министром Берутом прибыла в Потсдам и участвовала в работе Конференции.

«Потсдамская конференция, — пишет американский историк Моррей, — заслушала президента Берута из Польши, который

высказался за установление западной границы Польши по рекам Одру и Западной Нейсе... Черчилль выступил против требования Берута... Можно счесть за парадокс, что Черчилль, который добивался вступления Англии в войну с Германией из-за Польши и который выступил в Ялте в пользу “существенного прибавления” германской территории к Польше, теперь действовал в роли защитника немцев от польских претензий... Не объяснялось ли это в действительности характером польского временного правительства национального единства?».

Моррей, пишет В. Г. Трухановский, правильно понял суть позиции Черчилля. Однако английский премьер-министр не смог добиться своего — по настоянию Советского Союза Польша получила справедливые границы.

<...>

